

ТЕМЕЛЪ

Каждый прошедший войну солдат делает выбор: либо он находит в себе силы служить дальше, либо находит в себе смелость войти в мирную жизнь. Но порой солдат не находит в себе ни того, ни другого. В северной стране Ирий такие солдаты идут в охотники. Охотник — это живущий мечом человек, работающий на частную компанию, по поручению компании готовый истреблять гнуснейших уголовников или даже сразить демона. Таким солдатом была Мария, ветеран недавней войны. Будучи на севере, Мария приняла заказ из далёкого северного города Павловка, где на руднике завелась шайка воров, но по прибытии секретарь рудника рассказал охотнику, что руководство, защищая свои интересы, намеренно солгало в заказе о ворах. Узнав от секретаря об истинном удручающем положении дел, Мария согласилась на работу — этот заказ должен стать её личным подвигом и залогом стремительного продвижения в карьере.

Глава 1

Ветра воют. С бело-серой пургой они несутся мимо лысых деревьев и чёрных елей, они проносятся в ложбинах пологих холмов и снежных насыпей, вздымая с них острые льдинки. Ветра несутся с ледовитого северного моря, а против них бежит огромное стальное старое создание, что пышет жаром да дымом. Создание усиленно пыхтит, тащит за собой на холм закрытые оледенелые вагоны, чьи колёса мерно отбивают ударный ритм.

Несмотря на холод, что мог бы разодрать лёгкие даже закалённого человека, в будке машиниста паровоза обливались потом. Там пахло влагой и углём. В будке, как и подобает, работало три человека. Один из них был машинист, что следил за дорогой, высунувшись по рёбра в окно, или за стрелочным манометром, иногда он прибавлял ходу, иногда убавлял — по ситуации. Машинист давно уже делал это механически, ведь работает он на паровозе уже пятнадцать лет и на этой дороге бывал не раз. По другую сторону от котла стоял помощник машиниста. Он кормил котёл углём, который ему из тендера подавал кочегар. Жар дыхания машины зависел от того, как машину кормит помощник. Откроет помощник пасть паровоза, закинет со свистом лопатой уголь, а котёл и рад его всосать. Каждомоментно в будке появлялся, а затем исчезал кочегар. Когда он передавал лопату с углём помощнику, он получал вторую лопату, пустую, и шёл с ней в тендер за углём. И каждый раз, заходя в будку, он посматривал за четвёртым человеком, которого здесь быть не должно, который не работает с кочегаром и его коллегами, который и не человек вовсе.

В стороне от входа, в самом углу будки сидела женщина. У стенки сбоку от неё лежали две большущие плотно утрамбованные сумки, чья ткань уже изрядно потёрлась и потеряла цвет. Женщина сидела на примятой шинели. Красная рубашка была расстёгнута до груди, что тяжело поднималась из-за жара. На её белой коже проступали ручейки пота. На груди лежали сплетённые руки, цепко впившиеся грубыми белыми пальцами в рукава. Женщина спала, её упавшая голова была наклонена к плечу, отчего кочегар мог видеть её нервно сжатую выдающуюся хищную челюсть. Женщина недвижима, словно кукла-марионетка, чьи нити натянули и связали друг с другом.

Машинист вернулся в будку и громко захлопнул окно. Женщину выбросило из беспокойного полудрёма.

— Дальше участок ровный, можно бахнуть чаю. Ром, будешь? — обратился машинист к помощнику. Рома кивнул. — Лёх, ты чай будешь?!

— Да! — крикнул кочегар из тендера.

— Тогда закидывайте лопатку, и иди сюда. Марусь, ты чай будешь? — обратился машинист к женщине.

Мария протёрла глаза. В блеклом свете керосиновых ламп блеснули глаза цвета чёрной вишни.

— Мы уже приехали? — её ещё сонный язык заплетался.

— Нет, ещё немного осталось.

— Когда приедем, тогда и подумаю о чае.

— Эх, ты, там некогда будет уже. Выпей чаю. Жарче всё равно уже не будет, а от чаю хоть немного легче да становится.

Мария ничего не ответила. Она закрыла глаза и отбросила голову назад.

— Неужто так много платят, чтобы гнать в такую глушь? — машинист отпил чаю. —

Может, тоже охотником заделаться.

— Нет, не особо. Просто хорошей работы нет, а безделье дорого стоит.

— Хех, как и у всех, — машинист выглянул в окно. Дорога ещё ровная. После он тут же занырнул обратно в будку, стряхнул снег с головы и поспешно отпил ещё чаю, — по чью хоть душу едешь, охотник? По людскую или чью другую?

Уголки тёмных губ изломались в улыбке. Женщина смахнула с лица чёрные волнистые волосы, едва достающие до плеч. Она положила голову на руку, указательный палец лёг поперёк шрама, что шёл вниз от правого глаза.

— Тебе правда интересен ответ, машинист? — машинист ничего не ответил. — В контракте говорилось о людях. Воровская шайка. Слишком плёвое дело для кого-то серьёзного, но, видимо, сложное для простых полицейских. Не совсем тогда ясно, зачем полицейские вообще получают зарплату, — улыбка стёрлась с лица охотника, — хотя не имеет значения, что писано. Слова никогда не имеют значения.

— Это верно. Особенно когда эти слова — слова начальника.

Мария улыбнулась.

— И это верно.

Гудок прорвал вой ветров — паровоз прибыл. Мария застегнула верхние пуговицы рубашки, надела шинель, взяла две тяжёлые сумки и вышла из будки. Девушка не стала спускаться по крутой лесенке, а сразу спрыгнула на платформу. Холодный ветер обдул измождённое жарой тело, снег быстро облепил длинные ресницы. Мария вздохнула с облегчением.

Сквозь пургу проглядывали большие чёрные очертания зданий. Сейчас Мария недалеко от железорудных складов, где грузят товарники. На платформе охотника ждал человек. Этот человек был личным кучером секретаря шахты, высокий и худощавый человек средних лет с лицом плотного строения. Он встретил Марию, представился, как полагается (правда, Мария не посчитала важным запоминать его имя). Кучер помог Марии погрузить вещи в возок.

Во тьме вечерней возок шёл по неосвещённой дороге неспешно, проходил мимо глазастых бревенчатых домов из прошлого века и новых — с уже потрескавшейся штукатуркой. На одном штукатуренном доме глаз на долю секунды зацепился за тусклую надпись «ЛОМБАРД». Несколько раз возок проезжал мимо домов с пустыми глазницами и распахнутыми дверьми.

В возке не продувает, холодному воздуху нет сюда ходу, но в возке и не жарко, как в паровозе. Тут тепло. Так тепло, что Мария всю поездку клевала носом. После бессонной поездки на паровозе девушке хотелось только ехать, ехать и никогда не приехать.

Возок остановился перед большим и высоким двухэтажным домом на окраине города, недалеко от леса. Мария вяло не без усилия оторвала голову от спинки сидения. Кучер провёл девушку в дом. Пройдя широкие сени, Мария оказалась в коридоре, что вёл в разные комнаты, коридор не был сильно стеснён стенами, а уж потолком тем более. Настенные лампы накаливания наполняли коридор тёплым жёлтым светом. Кучер постучался в ближайшую дверь, сразу же оттуда донёсся голос: «Войдите!». Кучер открыл дверь и пригласил охотника внутрь. Когда Мария вошла, кучер закрыл дверь.

Мария оказалась в обширном кабинете, в котором стоял запах сухой бумаги, сухого горячего железа батарей и едва уловимый запах новой кожи. В двух шагах от стены, что была напротив входа, стоял толстый и тёмный дубовый стол, за которым в чёрном кожаном кресле, которое было куплено совсем недавно, сидел молодой короткостриженный мужчина.

Вокруг печатной машинки на столе лежало множество бумаг, две записные книжки, пара ручек и карандаш с обкусанным концом. Бумаг, на самом деле, не было слишком много, просто все они почти ровным слоем лежали вразнобой, захламляя тем самым весь стол.

— Добрый вечер, — мужчина указал на старенький стул перед его столом, — присаживайтесь. Сейчас, я быстро разберу бардак на столе.

Секретарь торопливо разложил бумаги по ящикам стола. Помимо стола, в комнате у стены стоял шкаф, заполненный папками, у другой стены на тумбе стояли самовар и полупустая кружка с холодным чаем. Рядом с ними на стене висел телефонный аппарат.

Когда секретарь закончил, он привстал и протянул руку через стол, Мария пожалала её.

— Благодарю Вас за прибытие. Варлам Прокофьевич, — представился секретарь, — а вы, в своём письме, наверное, представились не полностью?

— Нет, полностью. Просто Мария.

Варлам уселся в кресле, тихо и неуверенно промычал, поджав нижнюю губу и почесав маленький подбородок.

— Хорошо...это необычно, но ладно. Будете чаю? Я бы не отказался от чего-нибудь горячего для беседы.

— Нет, благодарю, — Мария зевнула и слегка наклонила голову, — прошу извинить, но я с долгой дороги, потому бы предпочла быструю беседу.

Варлам сложил руки на столе, потёр ладошки, отвёл взгляд слегка в сторону и промычал. Он посмотрел в лицо Марии, но тут же опустил взгляд и начал смотреть будто бы сквозь неё, будто и не сидит перед ним никакой Марии.

— Хорошо, — по слогам сказал секретарь, с трудом начиная заготовленную речь, — тут у нас, эм, такое дело, на самом деле, понимаете ли, сложное дело.

— Да, я догадалась, — охотник улыбнулась, и верхние клыки слегка залезли на нижнюю губу, — шахта слишком далеко от местного участка полиции.

— При чём тут...ах, да, про воров. Понимаете ли, руководство написало в заказе о ворах, так как такое дело не требует большого количества профессиональных охотников, да и надзор за, мм, такими делами, он поменьше, — секретарь выдохнул, — да и если бы руководство написало бы правду, то это потребовало бы временного закрытия шахты.

Варлам Прокофьевич поднял взгляд на женщину. Она сидела, упав на спинку стула, скрестив руки на груди, клыки спрятались за сомкнувшимися губами, улыбка пропала, и охотник смотрела на секретаря, как на извивающегося червя. Она молчала и ждала, пока секретарь продолжит.

— В общем, у нас на складе завелось чудовище.

Мария опустила голову и приподняла брови.

— Чудовище? На шахте. То есть в стеснённых тёмных и разветвлённых ходах у вас завелось чудовище. И вы надеетесь, что я смогу с ним справиться?

— Мм, в общих чертах, да.

Мария придвинулась к Варламу, вцепилась в колени. Варлам вжался в кресло и скукожился.

— По вашим словам ясно, что ваше руководство понимает, что для поимки чудовища, тем более в таких условиях, требуется целая команда специалистов с полным закрытием шахты для любого, кроме этих специалистов. Так почему же тогда ваше руководство выдвинуло такое... странное предположение, будто бы один человек, приглашённый для поимки простых воров, сможет сделать работу большого количества человек? Вы же просто

подвергаете шахтёров риску весьма незавидной смерти.

Мария говорила жёстко, но не грубо. За годы службы она научилась говорить со своими заказчиками и со старшими по званию осторожно, не обостряя отношений, которые в будущем ещё придётся поддерживать, как бы сильно не раздражал человек.

— Да, понимаю, меня и самого не устраивает такой расклад, — секретарь выдохнул, — я же человек простой, на самом деле, приключений не люблю, да и когда планы нарушаются — тоже. Мне было бы удобнее, если бы на моей шахте ничего не стряслось. Но, мм, понимаете, если мы сделаем всё по закону, то шахтёрам хуже же будет. Шахта будет простаивать неопределённое количество времени, эти дни им не оплатят, ведь они не будут работать, а им же семьи кормить. А потом ещё и проверки начнутся, начнут выяснять, где жило чудовище, не завелись ли другие, и неизвестно, как проверки повлияют на работу. Так что, мм, сложно делать всё по закону. Ах, к тому же, мы же не абы кого решили нанять! Вот вы обратили внимание на требования по найму?

— Не запоминаю таких вещей.

— А в них-то как раз и было указано, что срок работы в вашем охранном агентстве должен быть от двух лет, что, мм, работник должен специализироваться на выслеживании и уничтожении бандформирований, так как эта работа должна быть столь же опасна, как и охота на чудовищ всяких, но при этом указание этого условия в договоре не вызвало бы ни у кого ненужных подозрений. Поначалу, когда я получил ваше письмо, мм, я подумал, что на мои требования не обратили внимания, ведь у Вас срок работы лишь полтора года, но, когда, мм, я увидел приписку о вашей службе на южном фронте в составе диверсионной группы!.. Я понял, что Вы — тот человек, который мне нужен!

Пока молодой секретарь говорил, Мария думала об этом заказе.

— На самом деле, если руководство шахты решило сэкономить на убийцах чудовищ, то мой отказ не решит ничего. Они найдут того, кто согласится, кто будет подходить для этой работы хуже, чем я. Не стоит так возмущаться безответственности этих дармоедов: жизни шахтёров меня волновать не должны. Однако, если я выполню эту работу без гражданских потерь, а этот червивый сын проститутки и дегенерата напишет в отчёте о чудовище, это дело сделает мне имя в агентстве и откроет дорогу к государственным контрактам.

— К тому же, — продолжил секретарь, — руководство заплатит Вам больше, чем указано в договоре. И, эм, лишние деньги никак не будут фигурировать в документах. Вам не придётся отдавать процент от них в агентство! — Варлам Прокофьевич глухо хлопнул ладошами. — Ну, так что Вы ответите?

Мария опёрлась на спинку стула и непроизвольно ухмыльнулась.

— Я согласна. Однако даже для меня выслеживание монстра в одиночку — работёнка опасная. Вы должны понимать, что это большой риск. В обмен я хотела бы попросить, чтобы после выполнения работы Вы написали в отчёте, что не воры были в шахте, а чудовище. Если Вы сможете так сделать, то можете не платить мне денег сверх договора.

— Э-кхм, — Варлам постучал пальцами по столу, — понимаете, это, мм, не от меня зависит. Я, конечно, спрошу завтра же у руководства об этом, но, хм, предполагаю, что они не ответят положительно на вашу просьбу, — ухмылка Марии вяло стекла с лица, — но я спрошу у них, бесспорно! Ну, так... что?

Мария согласилась на работу и расписалась в договоре. Даже без согласия с её условиями, работа есть работа; безделье стоит дорого.

— Вот и хорошо, — воскликнул секретарь, — до вашего приезда я договорился с одной

семьей, и, мм, они примут Вас у себя. Безусловно, все ваши расходы я покрою. Эм, как выйдете, скажите, и мой кучер отвезёт Вас к ним. Что же, надеюсь, Вы хорошо справитесь со своей работой, эм. Спокойно Вам ночи.

Мария простилась с Варламом и вышла из кабинета. В коридоре она пересеклась с высокой молодой девицей в лёгкой шелковистой одежде, облепившей её прямые плечи. Она стояла, опираясь на левую ножку, облокотившись на стену. Девица смотрела на Марию искоса и раздражённо. Мария глубоко вздохнула и подумала: «Чёрт, вот это запах! Хорошее же вино ждёт червяка этой ночью. Жаль, что к нему прилагается такая вот полногубая». Когда Мария зашла в сени, кучер закрыл за ней дверь в дом. Надевая шинель, охотник услышала, как высокий голос спросил, почему Варлам так долго был занят.

Прежде чем поехать, Мария закурила на крыльце большого дома. Метель улеглась, но курить было холодно — пальцы замёрзли, стоило Марии достать руку из кармана. Как только Мария докурила, она сошла с крыльца, оглянулась на дом с электрическим освещением и качественным отоплением. Мария бросила окурочек в сугроб: «Подселил к шахтёрам? Как будто у самого свободной комнаты нет». Мария села в возок.

— Вы нашли урну? — спросил кучер.

— Да, нашла. Не переживай за меня.

Глава 2

Большая белая слегка осыпающаяся печь дышала в комнату теплом, поедая с хрустом дерево. Красно пламя поливало светом пол. В камельке в жару купалась тёмная кастрюлька с побулькивающим щи, на печи стояли чайник и ведро с талой водой.

Беременная девушка в тёмно-синей кофточке с катышками и прямой бледно-зелёной юбке сняла с печи ведро, поставила его на пол. Вытерев румяное лицо и прихватив длинные светлые волосы ободком, Ася окунула швабру и продолжила домыть последний участок пола. Крепкие мозолистые руки плавно двигали швабру зигзагом из стороны в сторону.

Посреди небольшой комнаты с одним окном стоял дубовый стол неровной формы, который выдвинул Александр, муж Аси, прежде чем уйти на смену. Тряпкой тщательно протирала стол осунувшаяся старуха с чёрными впалыми глазами, лицо которой испещряли морщинки.

— Тут немножонько осталось мыть, Ася, — начала скрипучим голосом старушка Люба, — давай я домою, а ты стол протрёшь. Не утруждай себя уж слишком.

— Нет, мама, это ты не утруждайся: тебе нельзя. О своём здоровье думай, — Ася выпрямилась, опёрлась на швабру, — да и тут правда немного осталось, я доделаю. Давно стоило помыть тут всё, теперь и повод нашёлся.

— И всё же не нравится мне Сашина и твоя идея эта. Уж больно много хлопот. Ещё и принимаем не абы кого, а охотника на чудовищ; такие люди должны быть, как настоящие солдаты или полицейские, а это неприятный народец.

— Наверное, но я думаю, Саша найдёт к нему подход, — Ася впервые за последнюю неделю была настолько радостной и окрылённой, — ты же сама его слышала, когда он всё рассказывал. Он умный, что-нибудь да сделает.

— Может, придумает, а может и не придумает. Пока нам одни только хлопоты, да никакущие выплаты. Они никакущие, если секретарь будет хорошо содержать нашего гостя. А ежели он больно растратный будет? Он ведь из крупного города поди.

— Почему это?

— С хорошей зарплатой в Павловке не остаются, в других таких же городах так же должно быть.

— Но это ничего; хлопоты придётся потерпеть. В глазах нашего гостя мы должны быть хорошими. Так план лучше сработает.

— Так уверена, что у Саши получится?

Ася опёрлась на швабру.

— Мама, ты по кругу идёшь. Чем тебя убедить? Почему охотнику не быть за нас? Охота на чудовищ — дело опасное, а опасное дело всегда требует доблести. Нажива не может иметь вес на доблестного человека.

— Это Сашины слова. Он меня и позавчера не убедил этими мыслями. Это не доблестное дело, а услуга, а услуга всегда там, где нажива.

Ася вздохнула тоненьким голоском и невольно на секунду вскинула глаза к потолку, а затем продолжила мыть пол.

Через пару минут Ася закончила и позвала Васю. Мальчик спустился по лестнице со второго этажа до середины, оставшиеся ступеньки он перепрыгнул и с грохотом приземлился на пол. Прежде чем Ася успела снова попросить сына больше не прыгать,

мальчик сразу же отчитался: «Я положил все половики на место!». Это был мальчик лет восьми с короткими тёмными стоячими волосами и чёрными глазами, которые достались ему от отца. Когда мальчик улыбался, то в глаза бросалось отсутствие пары молочных зубов-соседей.

— Вылей ведро, только не у входа, лучше где-нибудь сбоку от дома.

— Хорошо, мам! — ребёнок встал покрепче, схватил ведро с грязной водой обеими руками, напряг спину и поднял его. Ася пошла было открывать сыну дверь, как Вася сказал. — Не надо, я сам. Счас вернусь и здесь тоже положу половики.

— Хорошо.

Молодая мать села на стул и вздохнула, вытерла лоб. Старушка Люба сняла с огня кастрюлю с щи и поставила её на печь.

Возок нёс Марию по городу мимо чёрных ветхих домов; окна некоторых были без стёкол, будто лишённые глаз, а двери отвалились от петель. Лошадь с трудом тянула возок по заснеженной дороге, то и дело ступая в ямки. Прошедший буран усыпил город. По часам был поздний вечер, потому рабочему люду нечего было делать на улице, где недавно бушевала метель. Из-за метели и дети по дороге встречались нечасто — они стали попадаться, когда кучер свернул на маленькую короткую улочку, что идёт по пологому склону.

Доехав до второго дома с конца улочки, экипаж остановился. Кучер взял сумку Марии, сама же охотница набросила на плечо вторую сумку. Дорога к дому была завалена снегом почти по колени. Когда они дошли до дома, кучер постучал в окно, а затем он с Марией зашли в сени дома.

В сенях было темно, но благодаря полоске света, что пробивалась из-под двери, Мария всё прекрасно видела, в отличие от кучера, что ощупывал воздух вокруг себя. Сени были совсем маленькими, два человека ещё могли здесь разойтись, а втроём тут уже тесно будет. Вдоль стен стояло много старых инструментов: топор, несколько молотков разных размеров, две лопаты, широкая и обычная, ручная и двуручная пилы. Лежали под стенами и несколько небольших коробок и коробочек.

Дверь, из-под которой вырывалась тусклая полоска, скрипнула, открылась. В дверях появилась Ася.

— Доброго вечера, Вячеслав. Довезли нашего гостя? — Ася улыбнулась.

— Да. Правда, скорее уже доброй ночи.

Ася замерла в дверях, увидев Марию. Девушка не могла поверить, что это её гость. Асе не говорили, кто к ним приедет; о приёме охотника на чудовищ договаривался её муж, но Ася успела уже представить, каким должен быть охотник на чудовищ — великим. В сенях же, сутулясь, стояла девушка ниже самой Аси, худая, с синяками под глазами и отчуждённым взглядом, бездонным взглядом, будто бы вовнутрь смотрящим.

Асю разморозило, когда Мария подняла красные глаза на неё, и в темноте они блеснули, как у кошки. Охотник поздоровалась тихо.

— Отряхнитесь хорошенько от снега, чтобы не заносить его в дом, разувайтесь — Ася отошла от двери, указала на стену с одеждой и прикрученными к стене крючками, — одежду можете повесить здесь, — затем девушка опустила руку, — вот здесь тапки есть. Они немного старые, но что есть.

Когда гости переобулись, разделись и оставили тяжёлые сумки у входа, Ася пригласила

их ко столу, на котором на слегка подранной по краям скатерти уже стояли тарелки с супом и ломтиками пшеничного хлеба. Вячеслав не отказался от еды, так как знал Асю, что она старалась к их приходу, Мария не отказалась, потому что была голодна. Вячеслав сел во главе стола, на стул, что был ближе к выходу. Охотница села справа от Вячеслава. Мария, поморщив нос, приступила к кислому супу с квашенной капустой, картофелем и свиным салом.

Ася уселась за стол напротив Марии, рядом со своей матерью. Старуха Люба весьма неприлично сверлила охотника глазами. Под столом Ася тронула ногу старухи Любы, чтобы та перестала дотошно изучать их гостью.

— Как ваша жена? — спросила Ася Вячеслава. — Она так жутка болела на прошлой неделе.

— Ей уже гораздо лучше. Хотя с такой мерзкой простудой ей и пришлось полежать несколько дней.

Пока Ася с Вячеславом делились последними событиями, как делают всякие знакомые, что видятся нечасто, Мария, держа голову рукой, почти что висела над своей тарелкой и не двигалась, словно статуя. Она очень устала, но тем не менее обдумывала разговор с секретарём. Что-то ей не нравилось в этом человеке — помимо того, что от мужчины там разве что щетина — но неясно что: в голове её сейчас будто одна промокшая вата.

— Погода сегодня была ужасной, — сказала Ася. Её мягкий и тихий, но сильный голос вырвал охотника из раздумий. — Мы что-то не представились. Я Ася, по отцу Владимировна. Но раз мы будем жить вместе, можете звать меня просто Ася. А это моя матушка — Любовь Васильевна.

— Мария. Просто Мария.

— Приятно познакомиться, Мария! Как Вы сегодня добрались? Погода была вух! просто отвратительной.

Мария подняла глаза с тарелки на молодую мать. Девушка была очень уставшей: было видно, как иногда она сдерживает зеवоту. Если б Мария давала ей характеристику, она бы сказала, что девушка очень светлая. Хотя тут же в мыслях Мария заметила, что, учитывая цвет волос Аси, это очень глупая характеристика, от которой даже тупой следователь засмеялся бы. Глаза Марии снова скатились вниз, к тарелке супа.

— Нормально. На товарнике доехала.

— Ох, это же неудобно. У меня дядя из города работает на товарнике, так он, говаривает, что жарница там жуткая от печки их, — Ася заговорила быстрее, словно рада поделиться с Марией.

— Неудобно, но быстро. И в снегах паровоз не застрянет, как экипаж.

— Тоже верно.

— А из какого Вы города? — спросила старуха Люба. Ася оглянулась на маму, но не стала её прерывать.

Мария снова подняла красные глаза, теперь уже на старуху. В свете керосиновых ламп зрачки её слегка сузились, будто бы их сдавили с двух краёв, но всё равно казалось, будто охотница смотрит куда-то вглубь, а не на Любу. Она снова опустила глаза.

— Из Рудногорска.

— Ах, если Вы там живёте, это объясняет, почему Вы смогли так быстро приехать.

— Я там не живу. Просто была по работе.

— А где же Вы тогда живёте?

Ася толкнула ногу Любы под столом. Мария снова подняла глаза на Любу, посмотрела на неё из-под прищуря.

На лестнице раздался стук, а затем пол рядом с выходом грохнул. Мария вздрогнула и сдавила ложку. К Ася подбежал сын.

— Я же говорила, не прыгать с лестницы, — повернулась боком молодая мать, — ноги же ломаешь!

— Да не сломаю! — улыбнулся Вася. — Я постелил кровать.

— Хорошо, тогда помоги ещё сумки нашей гостьи затащить.

Вася кивнул головой и подскочил к сумкам.

— Мальчик! — окрикнула его Мария. — Бери ту, что поменьше. Вторая тяжёлая, я сама затащу, а то ты точно что-нибудь себе ломаешь, — Мария повернулась к Любе. В глазах охотницы появилась искра бодрости, — если Вас так интересуется, где я живу, могу Вам сказать, что я нигде не живу.

— Кхм-кхм, Ася, — вмешался Вячеслав, — мне тут кое-какую бумагу подписать, и я пойду, — Кучер достал из сумки документ и ручку, — раз Саши нет, подпиши ты. Тут, как и договаривались, за то, что Вы приютили охотника, Вам выплачивается по 4 рубля в день на её содержание. Договор вступает завтра. Деньги можно хоть каждый день забирать у секретаря, но лучше забирать сразу за несколько раз. Так мороки меньше.

Ася расписалась и проводила Вячеслава, а затем вернулась за стол.

— Мария, Вы сколько будете времени в шахте? — спросила Ася.

— С начала второй смены и до конца четвёртой. Чем больше времени я потрачу на поиски чудовища, тем быстрее я его убью.

— А четвёртая смена пока не работает. Из-за чудовища.

— О, так секретарь всё же предпринимал какие-то меры. И похвально, и смешно. Тогда буду с первой по третью.

— Хорошо. Мы Вам постелили кровать на втором этаже. Раз так, на ужин с нами Вы успевать не будете, на завтрак либо я или матушка что готовим, либо то, что остаётся с прошлого ужина, — Ася указала на угол рядом со стулом, на котором сидел Вячеслав, — здесь под половиком у нас погреб, там мы и храним еду. Это если захотите есть, а дома никого не будет.

— Я правильно понимаю, что Ваш муж работает в третью смену?

— Да, с прошлого месяца, с шести вечера до двух ночи. Из-за чудовища смены уже второй месяц те же. Так что можете его не ждать, а встретиться с ним утром. Он встаёт обычно в двенадцать.

— Тогда я пойду спать.

Мария встала из-за стола, лениво закинула сумку на плечо и подошла к лестнице.

— Вам помочь? — спросила Ася.

— Не стоит.

— Хорошо. Спокойной ночи. Спи крепко.

Мария посмотрела на Асю, но потом опустила глаза и мыкнула коротко под нос.

Второй этаж представлял собой скорее жилой чердак. В отличие от первого этажа, где было две комнаты: одна с печью, а вторая спальня Васи и родителей, чердак был одной комнатой. Здесь был здоровый старый шкаф, узенькая дверь, ведущая в подсобку и две кровати, одна у печной трубы, а вторая у стены. Вторая сумка Марии была у второй кровати. Мария бросила тяжёлую сумку в основании кровати, тихо бряцнул металл.

Рядом с её кроватью стоял маленький столик и стул. Мария поспешно стянула с себя одежду, бросила её на спинку стула и плюхнулась в постель. Девушка укрылась похрустывающим одеялом, от которого пахло крахмальной свежестью. Марии так хотелось спать, что она не стала даже тушить лампы.

На новом месте Мария долго не засыпала. Глотая зевоту, она продолжала лежать с закрытыми глазами и не двигаться, надеясь со временем внезапно провалиться в сон. Девушка слышала, как Ася и Люба разговаривают на первом этаже. Старуха говорила про то, что ни за какие деньги нельзя пускать в дом упыря, да и поругивала Асю за легкомысленность. Марии было безразлично, что говорит старуха, но ей хотелось, чтобы Люба продолжала, так как её приглушённый бубнёж, едва доходивший даже до уха Марии, усыплял охотницу. Спустя время невероятно долгое, Мария провалилась в сон без снов.

Когда Мария проснулась, она долго не могла открыть глаз. Сквозь веки в темноту сна пробирался свет. Пытаясь проснуться и встать, Мария с трудом продирала глаза. Только у неё получалось хоть немного их приоткрыть, чтобы увидеть всего лишь размытые образы чердака, как сон накатывал с новой силой, и Мария, потягиваясь, зарывалась обратно в подушку. Даже во сне она ощущала, будто всю ночь её кости и мышцы обмывали водой, ощущала усталость, с которой она всегда просыпается.

Через неопределённое время Марию стал будить не только свет, но и скрипучий шум. Раздастся сначала громкое и хрустящее вжу, а вслед за ним идёт восходящее вш-ш-ш. Через какое-то время снова вжу и вш-ш-ш. Только внезапно проскочившая в голове мысль, что это может быть муж Аси, заставила Марию подняться и сесть на краю кровати. Наклонив голову вбок, пока ухо не коснулось плеча, а шея не хрустнула, окатив приятным мелким приливом сил, Мария вновь продрала глаза — теперь перед ней был не образ чердака, а сам чердак, хоть в глазах ещё и рябило спросонья. Слабый свет, пробивавшийся через маленькое зашторенное окно, едва освещал комнату. Вторая кровать уже была пустой.

Натянув рубашку и брюки, Мария спустилась по лестнице. Она надела сапоги и накинула шинель на плечи. Мария вышла на улицу. Рассеянный свет ослепил её на время. Когда зрение вернулось, через прищур Мария увидела широкоплечего мужчину в полушубке и посеревшей шерстяной шапке с ушами. Он с силой вбивал широкую лопату под снег, поднимал его и отбрасывал в сторону от дороги.

— Я закурю? — спросила Мария, потянувшись в карман шинели за портсигаром.

Мужчина выпрямился, опёрся на лопату и повернулся к Марии в пол-оборота. Это был молодой и смуглый мужчина с широким лицом и чёрными глазами. Короткие чёрные усы над губой были побелены снегом. Хоть по некоторой вялости в чертах лица и было заметно, что человек давно не отдыхал, в целом его зоркие глаза, его манера держаться как можно прямее, почти как солдат, его лёгкая и довольная улыбка, большие руки, что лежали на лопате — всё говорило о большой внутренней силе этого человека.

— Доброе утро! Хотя вижу, утро не совсем доброе, — сказал Александр, взглянув прямо в глаза Марии, — да и не утро уже. Конечно, можете закурить.

Мария достала сигарету и спичечный коробок из другого кармана. Зажав сигарету зубами и чиркнув спичкой по коробку, Мария закурила.

— Выбросить мусор можно прямо в печь. Но что же, теперь и я могу поприветствовать Вас в Павловке. С приездом! Надеюсь, Вы уже худо-бедно освоились в нашем доме. Я Александр Булат-оглу. Но лучше просто Саша, а то имя слишком царским выходит, — Саша улыбнулся. Его голос звучал резко и звонко.

— Я Мария.

— Приятно познакомиться, Мария.

— Когда мы сможем отправиться к шахте?

— В доме на первом этаже, рядом с печью висят маленькие часики. Можете посмотреть время?

— Видела. Сейчас два с небольшим.

— Хороший глаз у Вас. Идти до шахты отсюда около получаса. Моя смена начинается в шесть, но Вас могу отвезти раньше. Я только дорогу хотел бы сначала откопать.

Мария ушла в дом. Только Саша вернулся к уборке снега, как дверь снова открылась, Мария вышла без сигареты, застёгнутая и с лопатой на плече.

— Вам совсем не обязательно: я сам справлюсь, — сказал Саша с плохо скрываемым удивлением.

— Чем быстрее покончим с этим делом, тем быстрее я приступлю к работе.

Мария встала сбоку от Саши и начала разгребать снег. Шахтёр поправил шапку, прошептал под нос: «Вот те на», — и тоже продолжил своё дело.

Равномерный труд, рассеянный свет, идущий будто бы ото всюду и особенно от ярких сугробов, морозный сухой воздух окончательно разбудили Марию. И она, занимаясь монотонной работой, вновь обдумала вчерашний разговор с секретарём на свежую голову.

«Разве для мешков с деньгами есть различие между ста пятьюдесятью и тысячью рублями? В словах секретаря о преимуществах найма одного охотника был смысл, но только если совсем не думать. Да, при найме целой группы придётся прикрыть шахту, но только на два или три дня. Разве простой будет настолько большим, что найм одного охотника с риском затяжной охоты, которая ещё и рискует кончиться провалом, такой найм будет выгоднее, чем целая группа профессионалов без риска провала? Да чёрта-с два! Зато вот с зарплатой секретаря можно себе позволить потратить сто пятьдесят рублей, но не получится потратить тысячу. Секретарь мне не показал ни приказов начальства, ни писем. Все приказы начальства существуют только в словах самого Варлама. Вот только слова сами по себе ничего не решают. Знает ли вообще руководство шахты об инциденте? Если вызывать по всем правилам группу охотников — это не только будет не по карману секретарю, это, как он сам и сказал, приведёт к проверке работы шахты, а того и гляди вскрыется какая-нибудь секретарская подлость. Быть может, я опять надумываю попусту, но узнать что-нибудь о работе этого Варлама я обязана. В конце концов, если есть какая-нибудь секретарская подлость, то мне будет чем давить на слизняка, чтобы он писал тот отчёт, который нужен мне».

Когда Мария и Саша расчистили дорожку до калитки, они вернулись в дом. Саша добавил дров в жаркую печь и снял с неё кастрюлю с булькающим щи. Шахтёр поставил тарелку с супом на стол и пригласил Марию. Девушка ела кислый суп с горьким лицом. Не потому, что суп был невкусен, а потому, что в этом доме не водится мясо; упыри — существа более плотоядные, чем люди, и совсем без мяса жить им тяжело.

Пока Мария ела, Саша спустился в погреб и вернулся оттуда с двумя маленькими корзинками, замотанными в платки. Сказал, что Ася будет готовить кушанье с собой и для Марии, раз девушка отправляется в шахту на все смены. По словам шахтёра, в корзинке были пара ломтиков хлеба, сало, яблоко, сушёные ягоды. После трапезы девушка ушла на чердак.

Из своей большой сумки Мария достала тёмно-бежевый испещрённый ромбами стёганный акетон, который надела на рубашку; поверх акетона женщина надела тёмную бригантину. Мария опустила голову и собрала падающие на лицо локоны, оттянула их на затылок и завязала лентой в хвост. На руки она надела кожаные перчатки с заклёпками на костяшках. К левому бедру охотник привязала ремнями ножны с двумя кинжалами. На грудь Мария надела кобуру с 4.2-линейным револьвером, так, чтобы рукоять пистолета смотрела влево.

Завершив этот маленький обряд, женщина достала из сумки своё главное сокровище — короткий полуторный меч. Девушка твёрдо схватилась за рукоять и достала меч из кожаных ножен. В тусклой комнате холодный серебристый клинок будто сам становился светом,

самым чистым и спокойным. Это был иридиевый меч. Неразрушимый, способный смять любую сталь клинок. Он есть подлинное оружие, рождённое только для боёв, презрительное к уходу, потому и не требующее его.

Когда Мария спустилась, Александр увидел перед собой совсем другого человека. Вместо усталой сутулящейся женщины с дремучим от свалившихся на лоб волос взглядом, перед ним стоял во весь рост солдат с офицерской выправкой. Оттянутые в хвост волосы обнажили перед шахтёром резкие черты лица сильного, могучего хищника, чьи глаза из-за синяков и длинных ресниц казались бездонными, но не смотрели они вовнутрь — из-под прищура в лицо шахтёра впились глаза зоркого кота.

— Я готова идти, — безразлично сказала Мария.

— Офицерская выправка Вам идёт, — сказал Саша, запирая дверь дома.

— Естественно. Надо же выжимать всё из своего роста, когда большинству людей ты упираешься в подбородок.

С Марией они выдвинулись.

— Пойдёмте, тут до шахты недалеко. Можно вопрос? — Мария кивнула. — Вы работаете одни или Варлам ещё кого нанимал?

— А что?

— Я не сомневаюсь в Ваших силах, Вы не подумайте. Но ведь шахта у нас немаленькая. Трудно будет искать одной чудовище.

— В одиночку будет труднее, чем в команде, бесспорно. Но я упырь, так что хорошее зрение и слух вполне возместят эти лишения.

— Не сомневаюсь, но другие мужики могут не понять. Мы тут все уже давно сидим на иголках, как бы другие не возмутились...

— От того, что вам прислали одного охотника, да и тот всего лишь женщина-карлик? — Мария едко усмехнулась. — Не переживай. Передо мной стоит чёткая задача — выследить и убить. Эту задачу я должна выполнить. Пока мне не будут мешать другие, чужое мнение обо мне меня не беспокоит.

Семья Саша живёт недалеко от шахтёрского комплекса. Пятнадцать или двадцать минут пешком хватает, чтобы дойти до шахты, которая находилась недалеко от черты городка. Дорога к ней идёт через холм, с которого легко увидеть вход в штольню — чёрную дыру в пригорке. Из неё, из-под земли выходит и забегает в небольшое здание однокорейка, по которой в вагонетках и выходит на поверхность железная руда. Здание это — приёмка — связана с толстыми высокими и длинными зданиями складов, под крышами которых прячется железная дорога. С другой стороны железной дороги был деревообрабатывающий цех, а рядом с ним стояли пыхающая котельная и большой углообразный дом.

Окидывая комплекс взглядом, Мария понимала, что видит лишь малую часть комплекса. Главное тело, сама жизнь комплекса лежит под землёй. Пока она не увидит карту, она может только гадать, какие тоннели, ходы и ветвления скрываются под мёрзлой и заснеженной землёй, как далеко и насколько глубоко они уходят. Мария размышляла, какие угрозы её ждут — темнота, теснота, кругом будет лишь серый камень, лишь острые стены, духота и мерзкая прохлада, что проникнет в кости — там совсем другой мир, где она будет одна, а чудовище может подстергать на каждом метре, на каждом шагу. Мария потёрла рукоять меча. Этот мир был ей понятен, он был ей приятен. Она легко вздохнула.

Саша открыл дверь в углообразный дом и пригласил охотника. Они попали в узкий коридор, который, заворачивая сразу влево, вёл к нескольким кабинетам. В доме стоял

прохладный воздух. Саша постучал в первую дверь и сразу же открыл её, что-то сказал человеку, который сидел в кабинете. Затем Саша развернулся и сказал: «Передаю Вас Кате, до вечера». Простившись с Марией, Саша ушёл в конец коридора и исчез за дверью. Мария вошла в кабинет.

Кабинет главного бухгалтера — Екатерины Ромашиной — был гораздо скромнее кабинета секретаря. Сидела бухгалтер за высоким фанерным столом, который был чист и убран, а рабочие бумаги были собраны столь аккуратно, сколь могли быть собраны бумаги, с которыми работает человек. Ближе к краю на столе стояла печатная машинка. В общем, это всё — были здесь и полки и ещё что-то, но всё это непримечательно и скучно; глазу толком не за что зацепиться.

Из-за стола на вошедшую Марию глядела девушка, не молодая и не старая, она сидела, слегка сторбившись, на плечах её лежала старенькая шубка. У девушки были прямые тёмные волосы, собранные в пучок на голове, и мутные, как у сонного хорька, глаза. Больше о главном бухгалтере нечего сказать.

— Добрый день, — Екатерина представилась Марии, — Варлам Прокофьевич писал мне, чтобы я Вас приняла и отзывалась на все Ваши просьбы. Скоро начнётся вечерняя смена, так что пока можете подождать здесь.

Мария села на стул перед Екатериной.

— Благодарю, но пока смена не началась, я отвлекла бы Вас от работы — нужно обсудить пару вещей, — Екатерина не успела ничего ответить прежде, чем Мария начала задавать вопросы, — во-первых, были ли среди шахтёров жертвы, сколько их было, когда начались убийства и что вы сделали с их телами? И, пожалуйста, без имён — говорите в хронологическом порядке. Мне так проще запомнить будет.

— Д-да, хорошо. За последние две недели умерло четверо шахтёров. Первый убитый мужчина был найден на следующий день после пропажи, это было двенадцать дней назад. Второй мужчина пропал восемь дней назад, нашли мы его тело через два дня. Третий пропал в четверг, а нашли мы его в пятницу. Всех их похоронили, вот в прошедшее воскресенье похоронили последнего. Погодите, убитых было четыре — тело последнего мы до сих пор не нашли. Он пропал также в четверг.

— Чудно, значит, одного тела меня всё-таки не лишили, — про себя рассудила Мария, — сейчас как раз идёт пятый день гниения, так что труп можно будет вынюхать. Плохо только то, что чудовище делает перерывы в четыре дня, но, раз вчера никто не погиб, то оно должно напасть сегодня. Медлить нельзя, — дальше Мария вновь обратилась к бухгалтеру, — следующий вопрос: были ли шахтёры, которые говорили, что видели чудовище? Сколько их? Где видели?

— Да, были такие, — главный бухгалтер немного замямась, — но на остальные вопросы я ответить не могу.

— Мне ясно, что Вы всё это дело не фиксировали, но просто устно опросить можно же было. Эх, морока, — вздохнула Мария, — хорошо, тогда могу я как-нибудь опросить шахтёров? Не так, чтобы выхватывать их по одному, а всех и сразу?

— Вряд ли это хорошая идея, — тихо и жалобно сказала Екатерина, будто умоляя Марию понять некий намёк.

— Почему?

— Им работать надо, а собрать их и всё обсудить — это займёт время.

— Если хотите, чтобы я избавилась от монстра, желательно, чтобы вся доступная

информация была у меня как можно скорее, так что небольшая заминка лишней не будет, уверяю.

Екатерина немного подумала, отложила документ, который она, по всей видимости, читала до прихода Марии, встала.

— Хорошо, пойду тогда предупрежу работников.

Через двадцать минут безделье Марии прервала Екатерина, вернувшаяся в кабинет. Вместе с Марией они прошли в зал. Зал был забит рабочими: кто сидел на стульях, кто, кому места не хватило, стояли вдоль стен и в углах. Некоторые шахтёры уже были в комбинезонах. Когда женщины вошли, некоторые шахтёры бросили взгляды ко входу, отвлекшись от собственных разговоров. Малая часть сразу же вернулась к собеседникам, и по их тону Мария могла понять, что они недовольны. Охотница спрятала руки в карманы и прошла за бухгалтером на помост. Екатерина встала за небольшой кафедрой. Мария встала сбоку от бухгалтера. Охотница окинула взглядом зал, оглядывая сверху головы. Шахтёры переглядывались и перешёптывались между собой, кто-то говорил спокойно, кто-то — с чувством. Куда б Мария не посмотрела, она ловила на себе чужие недоумевающие или раздражённые взгляды. «Да не может быть, чтобы...» — слышала шёпот одного охотника. «О чём они только думают?» — доносился до её уха шёпот из другой части зала. «Да чтоб вы в керосине горели, вас самих бы всех в шахту отправить» — буркнул кто-то под нос с первых рядов. В отличие от Марии, Екатерина вряд ли слышала что-нибудь из этого, но девушка была бледна.

— Ещё раз здравствуйте, коллеги, — хило начала бухгалтер, — все вы уже в курсе, что был нанят охотник, так что в скором времени все мы сможем вздохнуть полной грудью и вернуть жизнь в привычное русло. Для этого нам всем нужно выразить содействие охотнику, чтобы помочь ей убить монстра. Я знаю, что некоторые замечали монстра в ходе работ, этих людей я бы попросила остаться и рассказать охотнику всё, что они видели. Остальных я могу отпустить, больше вы можете не беспокоится во время работ, так как скоро ситуация разрешится.

Один из шахтёров — низенький мужичок с рыжими волосами лет сорока — встал.

— Прости, что без разрешения. Без обид — но, Кать, может, убедишь секретаря взять другого охотника? — среди шахтёров пронеслась волна согласия и одобрения, кто-то даже громко поддакнул. — Никого не хочу задеть, но мы все уже давно страдаем от этой проблемы. И так работа нелёгкая, так теперь ещё без животного страха в шахту залезть нельзя, особенно нашей смене.

— Я понимаю твоё недовольство, Игорь, но раз секретарь выбрал этого охотника, значит, на то есть основание.

— Это не только моё недовольство. Мне кажется, одной юной девушки не хватит, чтобы изловить нашего гада и тем более изловить его быстро. А каждый час промедления может стоить одному из нас жизни. А нам ведь семьи кормить. У меня, например, сын скоро школу закончит, его ведь надо в город учиться отправить, обеспечить его на первое время, а без меня моя жена не потянет. И ведь тут у каждого такая ситуация, — некоторые молча кивнули, — да и ты пойми, Кать, ты же одна сына растишь, понимаешь, как это тяжело.

— Понимаю, но...

— Кончай уже, Игорь, не будет нас слушать секретарь, хоть ты тресни! — крикнул другой шахтёр. — Я уже не раз говорил, что надо бы намекнуть ему подходчивее, что больше так работа продолжаться не может!

— Эй-эй-эй, опять ты со своей забастовкой лезешь, — крикнул шахтёр с длинным острым носом, — хорош уже, а! Если хочешь вылететь, уволься сам.

— Тут можешь потерять жизнь, какое уж там увольнение! — шахтёра поддержали возгласами.

Среди рабочих сидел и Саша. Он слушал чужие препирательства, но сам в них не участвовал. Молодой шахтёр следил за Марией, которая оставила Екатерину одну и отошла к окну.

— Не нравится, иди работай где-нибудь ещё, а не бухти, — ответил ему человек с длинным носом. Его сразу же застыдили за такие слова.

— И где мне работать, Николай, в шахтёрском то городе? Тут окромя шахты все работы бабские, идиот! Не работы вовсе!

— Коллеги, давайте успокоимся, — безуспешно попыталась перекричать толпу Екатерина.

— Кать, дай просто нам всем написать прошение секретарю! — крикнул с первых рядов ещё один молодой шахтёр. — Мы тут ему деньги копаем, нельзя так работать! Его надо заставить передумать.

Взрыв поднял комнату на ноги. В ушах звенело. «Что-то случилось на теплостанции? Только этого не хватало!» — подумали некоторые. По комнате с холодным воздухом разошёлся дымок, дыхнуло порохом. Мария вернула руку из окна в комнату и убрала в кобуру револьвер, закрыла окно.

— Будет неприятно, но, — сказала Мария, дойдя до кафедры, — все ваши проблемы меня не трогают и не касаются. Вы можете сколь угодно нанивать, что одной меня мало, но вы не сражались с чудовищами и не вам судить о моих компетенциях. Могу лишь утешить вас тем, что я — ветеран южного фронта. Доказательств не будет. Если не верите, спросите у Варлама, так как всякий металлолом, в том числе и медали, я с собой не ношу, — Мария говорила сдержанно твёрдым стальным иногда поскрёбывающим голосом. Девушка держалась прямо и уверенно, по-офицерски, — я попрошу остаться тех, кто видел монстра, а также того, кто мог бы ознакомить меня с картой шахты. Все остальные свободны. Не мешайте моей работе, и я сделаю так, что никто не помешает вашей.

После слов Марии Екатерина повторила, кому следует остаться, а остальных отправила на работу, напомнив о том, чтобы шахтёры передвигались группами. В кабинете бухгалтера Мария быстро опросила семь человек. Все они видели чудище, но мельком, на расстоянии, когда оно сновалось в черноте, потому показания их были малоинформативны. Если резюмировать, чудище горбатое, похожее на раздувшейся огромный труп. У чудища было шесть или восемь конечностей, две конечности огромны, как коротенькие пушки. Голова его вытянутая и вздута в затылке, как переспелый фрукт, чёрные глазища. Огромные и длинные, как вытянутые тарелки, уши, белая обвисшая кожа. «Он похож на человека настолько, насколько на собаку похож старый лысый выброшенный на берег реки и объеденный мухами мёртвый пёс!» — с чувством сказал один пожилой шахтёр.

Когда Мария закончила опрос, Екатерина пригласила в кабинет рыжеволосого шахтёра и принесла карту.

— Игорь, кажется, верно? — спросила Мария, — по отцу как к Вам обращаться?

— Вячеславович.

— Отлично, Игорь Вячеславович, полагаю, раз Вы здесь, то именно Вы сможете познакомить меня с картой шахты. Также будет отлично, если Вы сможете показать мне, где

видели и чудовище и где находили трупы.

Игорь взял карту у бухгалтера и разложил её на столе. Перед Марией растелился будто бы причудливый рисунок дерева, чьим стволом была главная штольня.

— Хорошо, вот карта нашей шахты, — начал Игорь, — сейчас выработка углубляет и продолжает главную штольню, — Игорь провёл по стволу «дерева», вдоль одноколейки до самого конца, — сейчас работа ведётся здесь, в Куриной лапе и в Пальце.

— В Куриной лапе?

— Да, так мы называем это место. По очертаниям оно напоминает лапу. Некоторые места в шахте носят свои имена, чтобы ориентироваться нам было проще. Я могу их использовать?

— Конечно, так проще запоминать будет, — Мария усмехнулась и буркнула под нос, — куриная лапа.

— Хорошо, я продолжу. В главной штольне чудовище никто не видел, оно и ясно, там постоянная возня, много людей ходит, одноколейка шумит; не ползет гад сюда. Тело Миши было найдено...

— Прости, — остановила охотник шахтёра, — но я попрошу без имён.

Игорь замялся, но затем продолжил.

— Первое... тело мы нашли здесь, в Капле, — Игорь показал на участок чуть левее штольни, рядом с Куриной лапой, ходы которого очерчивали грубый и резкий вытянутый овал. Затем Игорь провёл пальцем вниз и ещё левее, — второе тело мы нашли в соседней выработке, в основании Сердца, — Игорь повёл пальцем ниже и ткнул в выработку, никак не связанную с двумя предыдущими. Вход этой выработки был совсем рядом с главным входом. Шахтёр показал на тупик между четырёхпалым и пятипалым участками, — здесь был третье тело. Это место мы зовём Грудью, потому что оно находится между Правой илевой рукой. Чтобы Вам было проще ориентироваться, я могу подписать Вам все эти места на карте.

— Пожалуйста. А где чудовище чаще всего видели?

— Здесь, — Игорь показал на правую сторону главной штольни, недалеко от входа в Сердце, — обычно его замечали тут. Но замечали его всегда невзначай, как Вам, наверное, говорили, но просто наблюдает иногда здесь издали за главной штольней. Если, конечно, тем, кто его видел, гад не мерещился.

— Трупы находили по левой стороне от штольни, но чудовище видели пока только в правой части, — рассудила Мария, — интересно, однако.

— Есть вопросы? — спросил Игорь.

— Ага, есть вопросец. Как я вижу, левая часть шахты куда лучше развита, чем правая. Почему?

— Первые правые выработки, те, что ближе, к выходу, начинали ещё двадцать лет назад, когда я только пришёл сюда. Но позже обнаружилось, что там текут грунтовые воды, потому выработки прекратились. Те выработки, что выше по карте, мы начали уже десять лет назад, незадолго до войны, когда стране понадобилось железо. Но четыре с небольшим года назад свод штреков провалился в некоторых местах и участки затопило. Страшная была авария.

— Ясно. Думаю, чтобы узнать что-то новое, мне стоит спуститься. Екатерина Владимировна, мне нужен фонарь и часы. Как я поняла, ночной смены сейчас здесь нет, и шахта на ночь закрывается. К тому же, у Вас ведь наверняка есть записи, в которых Вы отмечаете, кто явился на работу. Надеюсь, Вы также ведёте список тех, кто вернулся из шахты. Теперь каждый день я буду смотреть этот список. Так я смогу быстро среагировать

на пропажу человека и, возможно, и человека спасти, и монстра на горячем поймать.

Когда Мария получила карманные часы и фонарь, она оставила шинель в кабинете Катерины, набросила рюкзак и отправилась к штольне с Игорем.

Вход зиял чернотой резких теней, тёмной серостью мёртвого камня и жёлтым светом электрических ламп, что двумя полосами вдоль стен удалялись вглубь. Под землю забегал холодный ветер. По центру, чуть ближе к правой стене, лежали рельсы, над которыми висела цепь. Руду из этой шахты на поверхность доставляли в вагонетках с помощью откатки бесконечной цепью. Цепь мчалась в приёмку.

Мария слышала, как глубоко под землёй стрелял и вгрызался в породу пневматический молот. Ход уходил так далеко, что Мария не могла разглядеть его конца; он походил на чёрный сгусток. Девушка почесала рукоять меча. Работа предвещала быть сложной, но Мария уже ждала будущих денег, которые ей принесут государственные заказы, уже представляла те блага, которые ей эти деньги откроют. Ей нужно всего лишь сразить чудище и придумать, как заставить секретаря писать в отчёте то, что ей нужно, и она станет госохотником. Мария вглядывалась в темень штольни и думала: «Там, на дне, моё будущее. Мне остаётся его только схватить».

— Мария, я хотел бы извиниться, что был несколько резок на собрании в зале.

Рыжеволосый шахтёр вырвал девушку из раздумий.

— Извиниться за что?

— За то, что предложил вызвать другого охотника. Я был груб, простите, если обидел. Просто этот гад подземный нас уже совсем доконал, мы все устали от него, вот и хочется, чтобы он подох поскорее. Ещё раз, прошу простить меня.

— Забей, я уже забыла. Не переживай. И за друга нашего многолапого не переживай: он не самая сложная часть моей работы, — губы девушки скривились в улыбке, — хорошо будет, если с ним будет хотя бы весело.

Игорь повёл Марию под землю.

— И каков Ваш план?

— Выследить и убить. Если вкратце. Но начну я, пожалуй, с другого. Хотелось бы узнать о нашем друге побольше перед встречей, а, как известно, кто много знает и многое может сказать, редко бывает живым.

Спустившись, Мария разошлась с Игорем. Охотник сошла в первый поворот налево, который вёл в Грудь, где было найдено одно из тел. В этой части шахты выработка уже не велась, света не было — тьма проглотила эти туннели. Мария зажгла фонарь. Маленький огонёк затанцевал и окружил девушку своим светом, но тьма не отступила. Со светом она создала контраст вычурными подёргивающимися тенями на полу, стенах и потолке. Свет фонаря был ничем в темени этих тоннелей, но глазу Марии хватало любого, пускай даже самого ничтожного света, чтобы видеть сквозь темноту. Температура в шахте была выше, чем на земле, но холод, что властвовал здесь, был иной природы. Он не забирал тепло тела, он проникал сквозь кожу и плоть, опутывая и прокалывая насквозь кости. Из глубин тоннелей шли частично разобранные, покрывшиеся пылью и слегка поржавевшие рельсы. Своды толстой стали держали на себе потолок.

Мария шагнула вперёд.

В этом крыле шахты охотник была единственным человеком. Девушка не думала, ни о

чём не рассуждала, весь её разум был поглощён собственными чувствами. Глаза продирались сквозь темноту, пытались разглядеть угрозу в каждом недвижимом камне, то и дело цепляясь за танцующие тени, но, не увидев угрозы, отвлекались на другой объект. Но взгляд человека и даже упыря не способен охватить всего; ей помогали уши. Красные от холода уши будто бы обращались усилием воли за спину. Они слышали, как стучит в висках кровь, как издали по стенам доходят отголоски пневматического молота, как гремит железная цепь, неся за собой руду. Иногда по стенам доходили крики, слишком далёкие, чтобы их разобрать. Если глаза могут видеть то, чего касается даже слабейший свет, уши связывали охотницу со всей шахтой. Через ноздри проходил холодный воздух, и старая пыль раздражала слизистую.

Разум Марии был поглощён чувствами, он был чист и трезв. Её чутьё распространялось дальше света фонаря. В этих чувствах она забылась, стала зверем, что ступает медленно, но твёрдо, не издавая звуков, ища свою добычу. В этом забытии она проснулась от кошмара, что ежедневно терзал её. Она вновь ощущала себя собой.

Мария остановилась, присела. Кровь. О ней никто не говорил. Видимо, не заметили Много крови, но она не пролилась здесь. Тонким слоем размазана. Тело тащили по полу.

Девушка встала, посмотрела на карту. На её пути ещё не было поворотов. Значит, тело тащили либо туда, куда она идёт, либо в обратную сторону. Это не могли быть шахтёры: кровь в ранах высохла бы к тому моменту, как нашлось бы тело. Значит, тащило чудище. Шахтёр был убит не в Груды.

Остальную заброшенную часть Мария обошла в спешке, пригнувшись, на случай, если четвёртое тело было бы в этой части. Ничего не найдя, девушка вернулась в начало пути.

Зачем чудовищу оттащить тело? Оно хотело оставить себе запас еды? Или прятало место убийства, чтобы люди не могли обнаружить его жильё? Или оно оттащивало еду подальше от людных мест, чтобы кормиться было спокойнее? Каковы бы ни были причины, главное, чтобы они были продиктованы инстинктами, а не зачатками сознания, иначе работа может стать сложнее. В любом случае, это добавляет хлопот. Продолжить ли мне поиск по левой стороне? Если чудище собирает запас, высок шанс, что оставляет мясо оно недалеко от логова, тогда логово будет в левой половине шахты. Но если оно убирает трупы подальше от логова, тогда логово, скорее, будет в правой части. Куда тогда пойти? Мне нужно узнать про чудище ещё немного, мне нужно четвёртое тело. Оно должно быть в левой части.

Мария прислонилась к стене и сползла на камень. Девушка позеленела, у неё закружилась голова. Охотница положила голову на руки, начала размеренно дышать.

Хорошо, чтобы это ни было, вроде отпустило. На чём я остановилась? Верно, нужно найти труп, он, скорее всего, в левой части, — Мария остановилась в размышлениях, — с другой стороны, чаще всего чудовище видели в правой части! Может ли быть, что ему оттуда просто проще наблюдать? Возможно. Но в левой половине всё ещё есть рабочие забои: Сердце, Капля. В то же время правая половина полностью покинута. Если и искать чудовище, то, скорее всего, там!

Мария направилась в первый правый туннель. Девушка шла вдоль стены: голова вновь закружилась, а в глазах зарябило.

Тени сгущались, они не танцевали, а будто готовились к бою. Зубатые и волосатые, они отрывались от поверхности и застывали голые в воздухе, словно жидкий дым, который затем рассеивался под поступью света.

Не успела Мария осознать, свидетелем чего она стала, как всё прекратилось. Тени

прилипли к поверхностям, земля под ногами перестала трястись, окаменела, а глазам вернулась природная зоркость. Не успела Мария спросить себя, что случилось, как почувяла она гнилостный запах. Охотница свернула на первом повороте налево, а затем направо, следуя за запахом. Через минуту она дошла до Куба — выделки в горной породе, имеющей весьма правильные очертания. Глаз зацепился за мусор, Мария присела. Каменный пол осветился не полностью — словно бездонная дыра, на полу была высохшая лужа запёкшейся крови. В высохшей луже охотница нашла мелкие ошмётки плоти и светлый кусок — обломок позвоночника. Мария подняла взгляд, посмотрела вглубь тоннеля, куда уходил гнилостный запах. На полу тонким слоем была размазана кровь — тело утащили. Мария встала и достала револьвер. Пошла дальше.

На стенах росла плесень. Камень был сырой и слегка скользкий. Сильный запах разложения наполнял грудь женщины. Зайдя в тупик, Мария нашла тело. Охотница поставила фонарь рядом с мужчиной.

— Ну, привет. Повезло мне встретить тебя здесь, — Мария улыбнулась.

Раздувшийся мужчина — приблизительно лет тридцати пяти — лежал на спине. К нему вёл след стёршейся крови. Охотник подошла поближе, фонарь освещал фиолетово-синее лицо. Глаза застыли в ужасе и будто бы покрылись жёлтой пылью. Зубы были плотно стиснуты. Охотник поставила фонарь и оттопырила мягкую губу мужчины. В нос ударил запах сваренного кишечника, глаза непроизвольно зажмурилась от вони. Дёсны были покрыты чёрной коркой. Раскрыв рот трупа, охотник вытащила толстый фиолетовый язык — множество рваных узоров, повторявших человеческие резцы. Должно быть, язык был не раз прикушен от боли. Приподняв тело, охотник натянула почерневшую рваную рубашку на грудь, а затем на шею и стянула её. С груди отрывать одежду было тяжелее всего, рубашка совсем не шла. Кожа на груди неестественно высоко поднималась, прежде чем отлипнуть от одежды. Живот был распорот, через него явно пытались добраться до внутренностей грудной клетки чем-то большим. На левой груди остались отпечатки зубов — больших человеческих и будто бы волчьих клыков. Мышцы рук и ног были съедены до костей, на которых остались царапины зубов. Одно колено было сломано, другое вывернуто. На самом деле, тело было весьма изуродовано, но большинство огрызков можно не рассматривать, ибо они не дают полезной информации.

С этой мыслью Мария перевернула тучное тело. Тело не было податливым. Таз не двигался вслед за туловищем, отчего пришлось придерживать не только спину, но и его тоже.

Чёрно-красный ров продирался по спине от верхних правых рёбер почти до копчика. Должно быть, когда он бежал от монстра, этот удар и стал фатальным. Все рёбра, поперёк которых бежал ров, были раздроблены. В месте, где ров перебежал позвоночный столб, можно было легко разглядеть обломки позвонков. Таким образом, соединение верхней и нижней половин тела было полностью сломано. Чтобы так прорубиться через мускулы, несколько рёбер и позвоночник, нужна немалая сила. Но её одной мало. Какова бы ни была сила и какого размера ни были бы руки, руками рублено-режущую рваную рану не оставишь. Те самые большие конечности у монстра должны быть особенными. Когти тут не подойдут. Разрыв всего один. Какие ещё конечности бывают в животном царстве? Щупальца, плавники, когти, копыта... копыта? Нет, нихера. Крылья, клешни. Быть может клешни? Вполне. С огромной силой, используя растопыренную гигантскую клешню, такая рана вполне возможна.

Мария достала из кармана часы. Поздно, нужно возвращаться. Девушка подняла фонарь, встала. К горлу снова подступили рвотные комья. Девушка направилась к выходу.

Трупы у меня не вызывают обычно неприязни, но этот, должна признать, крайне мерзкий. Что в итоге. Чудовище имеет шесть или восемь конечностей. Раз оно горбатое, то четыре из них оно, скорее всего, использует для передвижения. Две руки-клешни и либо это всё, либо есть ещё непримечательная пара мелких рук. Монстр обладает огромной силой и... большими ушами. Значит, оно полагается на слух. Возможно, ещё на обоняние. Вполне логично: живя в темноте, зрение не нужно.

Вернувшись на поверхность, Мария пролистала журнал в кабинете бухгалтера. Его охотнику принёс Саша. Он решил носить Марии журнал каждый день, так как они заканчивают работу одновременно, а затем всё равно идут в один дом. Перечитывая строки с отметками о посещении и возвращении, Мария чесала подбородок. Саша, ждавший Марию в том же кабинете, про себя отметил её напряжённое лицо. Закончив чтение, Мария отдала журнал Екатерине, надела шинель и с Сашей пошла домой.

Погода была тихой. С прошлого снегопада лежащий на земле снег уже успел запачкаться.

— Как Вам первый день на руднике? — спросил Саша в дороге.

— Рудник как рудник. Ничего особенного.

Саша улыбнулся.

— Я не про то. Я про Вашу работу. Как всё прошло?

— Пока всё неплохо. Я нашла четвёртое тело, по которому уже могу судить о нашем задире. Так что дальше нужно просто осмотреть оставшиеся штреки и найти логово монстра.

— А монстр должен иметь логово?

— Не обязательно, но часто чудовища имеют место, в котором предпочитают часто бывать между охотами. Даже если чудище не имеет логова, гуляя в одиночестве по заброшенным штрекам, я, как самая лёгкая добыча, рано или поздно встречу с ним. Но если оно имеет логово, то, скорее всего, оно должно располагаться в правой части шахты. Та часть заброшена, там имеются грунтовые воды. Так же по следам крови я поняла, что чудовище имеет привычку оттащить тела с места убийства. Три тела нашлись в левой части шахты, но четвёртый нашёлся в правой, в конце не самого длинного штрека. Третий и четвёртый шахтёр были убиты в один день. Скорее всего, второго из них чудище уже не успевало оттащить в левые штреки до открытия шахты, потому утащило вправо. Учитывая то, что между левой и правой частями можно перемещаться только через главный ствол, чудище предпочло остаться днём в правой части. Вкупе с тем, что его и видели только по правую сторону от ствола, можно заключить, что в правой части оно и живёт.

— Ого, очень подробно, видно, что разбираетесь, — ответил Саша, как только ему позволили вставить слов, — но мне интересно, почему Вы нервничали, когда смотрели журнал?

— С чего ты взял, что я нервничала? — Мария удивлённо подняла брови.

— У Вас было очень сложное лицо, пока Вы читали, — Саша улыбнулся и доброжелательно поднял брови.

— Так бухгалтерская книжка. Я ненавижу читать всякую документацию и официальные бумаги, у меня от них глаза рябит, — Мария сдержанно улыбнулась, но затем улыбку смыло с её лица, — на самом деле, меня беспокоит то, что сегодня все вернулись живыми.

— Вы хотите, чтобы кто-то умер? — нервно усмехнулся Саша.

— Нет. Неважно, чего я хочу. У чудовища, как у любого живого существа, есть свой ритм жизни. По убийствам, перерывы между которыми длились около четырёх дней, могу сказать, что у чудовища есть и ритм приёма пищи, которому оно почему-то изменило, хотя с последнего убийства сегодня уже пятый день прошёл.

— Может, оно не нападало, так как мы начали ходить группами?

— Вполне вероятно. И это плохо.

— Почему?

— Если ему нужно питаться каждый четвёртый день, значит, оно уже должно голодать. Это было бы хорошо, ведь тогда оно напало бы на единственного человека, что ходит один, то есть на меня. Но оно этого не сделало. Сейчас ещё рано судить, но если оно не нападает на меня по каким-то причинам, и не нападёт на меня в дальнейшем, то я не смогу его убить. Если же оно при этом и голод утолить не сможет, то оно озвереет. Чудища быстро звереют от голода. Обычно чудища побаиваются людей, хоть и сильнее их. Озверевшему же страх не введом. Если оно озвереет, тогда может напасть на одну из групп шахтёров. Тогда одним убийством может не обойтись, — Мария тяжело вздохнула, — только никому не слова, Саша. Не надо разводить панику, хорошо? Всё, что я только что сказала, всего лишь размышления, просто слова на ветер.

Следующие три дня Мария патрулировала шахту. Она приходила в шахту к девяти утра, чуть позднее утренней смены, а уходила вместе с вечерней в два часа ночи. Не всё время она проводила в шахте, примерно в шесть она старалась выходить, чтобы поесть в здании администрации и подремать сорок минут, а затем вернуться к патрулю. За эти три дня она исходила всю шахту. В среду она вновь осмотрела Куб, затем пошла в выработку «Е», что была на карте повыше. Не найдя там ничего, кроме высохших экскрементов, она пошла дальше по правому крылу и пришла к Озеру, к той самой затопленной выработке. Как она выяснила, вода в Озере раньше стояла много выше, но её откачали, хоть и не до конца, так как откачка стоит денег, а правое крыло всё равно решили забросить.

Озеро имело небольшой каменистый пляж. Потолок над водой кое-где подпирали ржавые крепи и опухшие чёрные доски, но если приглядеться, то дальше потолок был выше, обладал более естественными очертаниями и ничто его не подпирало. Шахтёры здесь наткнулись на подземную карстовую полость, которая слилась с выработкой и образовала это самое Озеро. С берега озера было видно края купола, что раньше был полостью.

Мария знала, что, если бы она могла подойти поближе к куполу, то увидела бы углубление, которое кольцами уходило бы в потолок, подобно внутренности объектива фотографического аппарата. Сначала Мария предположила, что здесь и могло быть убежище монстра, ведь только здесь есть доступ к воде; она слышала, как по стене с другой стороны крохотного озера течёт и тихо журчит вода. Подземный приток. Но сколько она не осматривала каменистый пляж, она не могла найти следов монстра. Но это место стоит запомнить. Только здесь чудище может утолять жажду, если оно имеет такую потребность.

После обследования Озера Мария выбралась в административное здание, чтобы поесть и узнать, нет ли других водных мест в шахте. «Таковых, как Озеро, нет», — ответила ей Катерина.

В четверг Мария пришла с сумкой свежей мелкой рыбёшки и с парой медвежьих капканов. До того она специально расспросила шахтёров, нет ли в Павловке рыбака или охотника, ведь ей нужны были свежие приманки, а не магазинные продукты. Мария прошлась быстрым ходом по вчерашним местам, оставляя приманку, а затем перешла в левое крыло рудника. Охотница оставила приманку в Правой и в Груды, осмотрела Левую и, ничего не найдя, также оставила там приманку. Женщина спустилась глубже по стволу, оставила капкан на месте, где чудовище иногда замечали, в проходе в правом крыле недалеко от одноколейки. Второй капкан с приманкой она оставила в туннеле на подступах к Озеру, в самой узкой части прохода. Затем женщина спустилась глубже.

Она уже была не так далеко от современной выработки, где работали проходчики. К новым проходам рельсы пока не доходили, потому руду до них катали вручную. В трёх небольших проходах, которые на карте были подписаны «Куриная лапка», работали двуручным бурением шпуров. Одни проходчики держали буры, а другие звучно вбивали их в породу. Но в четвёртом более широком проходе, названном Пальцем, работали пневматическими перфораторами. Мария их не видела, но до неё добежали звуки стреляющей механики и шипение газа. Мария надолго здесь не задержалась: в местах бурной деятельности больших масс людей чудовищу делать нечего, да и Марии не следует мешать другим работать.

В пятницу Мария зашла в штольню в десять часов утра. Она не стала выбираться вечером, а проходила под землёй до самой ночи. Выбравшись, она вошла без стука в кабинет Екатерины. Она каждый день по окончании крайней смены заходит к бухгалтеру, чтобы перед уходом свериться с учётной книгой, не остался ли кто в штольне. Мария плюхнулась на стул.

Охотник сняла грязные перчатки и протёрла глаза белыми грубыми пальцами. Затем она положила голову в руки, закрыла лицо ладонями. Оттопырив указательные пальцы, она открыла глаза, отчего её ладони сделались похожими на маску. Сквозь пальцы тяжело пробегал воздух.

— Тяжёлый день? — спросила Екатерина.

— С чего бы вдруг? — дрогнул глухой голос, чёрные глаза охотника впились в женщину. Бухгалтер непроизвольно вжалась в стул. Заметив это, Мария смягчила тон и убрала руки от лица. — Просто успехов никаких. Абсолютно. Логово чудовища я не нашла, приманки не тронуты, так что даже примерное его место сна я определить не могу. Капканы также бесполезны и не тронуты. Что удивительнее всего, я даже случайно не наткнулась на мразь за все свои долгие и одинокие патрули в проходах вплоть до самых отдалённых от ствола шпуреков. Ещё, кажется, я совсем отвыкла от шахт, мне уже каждый день хотя бы раз да хиреет.

Бухгалтер отвлеклась от Марии на окно. В стекло долбился голубь. Сизая птица, не переставая, била клювиком, и её маленькое округлое тело тряслось.

— Больной, наверное, — сказала Мария.

— Наверное. Просто раньше тут было много голубей. Только сейчас подумала, что давно их не видела.

Дверь открылась, вошёл Саша, уже чистый и с учётной книгой. Как Катерина сверила учётную книгу, так она и простилась с Сашей и Марией.

Ночь укрыла землю иссиня-чёрным беззвёздным небом. Ночь не выла ветром, не шептала снегом, она была нема — только снег хрустел под ногами. С холма, с которого во вторник Мария оглядывала шахту, хорошо просматривался городок, окружённый чёрным и колючим густым лесом. Город спал, лишь белый дым печей полз к небу.

Стоял лютый холод середины ноября. Открытая кожа быстро краснела на морозе, сжималась, будто бы мороз натирал её и тянул колючими зубами в разные стороны. Несмотря на это, Мария стянула одну перчатку, чтобы было удобнее курить. Женщина шла домой, опустив взгляд в ноги.

— Вам бы отдохнуть немного, — сказал Саша, шедший рядом.

— Ничего, я просто немного устала.

— Так и я о том, — Саша усмехнулся тому, что Мария будто бы ответила на вопрос «Всё

ли в порядке?», а не на его предложение, — усталость надо иногда снимать.

— Я отдохну, когда убью чудище.

— Но Вы его уже долго выслеживаете, — Мария с силой закусила сигарету. Саша продолжил, — если Вы будете также долго его искать на следующей неделе, у Вас же совсем не будет сил на убийство, когда Вы встретитесь.

— Будут, это не страшно. Эта усталость ещё ничего. Я привыкла жить с усталостью, от испытания к испытанию. Что мне какая-то усталость. Я при истощении и пострашнее врагов побеждала.

— Всё это похоже на подземный обвал, — начал Саша после недолгого молчания, — когда ты часто бываешь там, внизу, со временем перестаешь бояться обвала. По крайней мере, тебе кажется, что перестаешь, потому что раз за разом ты спускаешься под землю и каждый раз возвращаешься оттуда. На самом деле ты просто зарываешь этот страх поглубже в душу, чтобы не мешал. Но он никогда не исчезнет. Ведь в любой день может произойти одна маленькая ошибка или просто случайность, и тогда тебе ничего не остаётся, кроме как принять свою участь, что ты никогда уже не вернёшься на свет.

— Я работала на шахте в детстве, Саша, я знаю, что такое обвал, — прервала Мария.

— Правда? Не ожидал. Так ты, получается, почти в родную среду вернулась!

— Вряд ли. Я только послания разносила да еду. Тогда же ещё не было телефонных аппаратов. Да и я всё равно это было слишком давно, — после секундной заминки, Мария спросила, — почему ты вообще заговорил об обвалах?

— Думаю, по мне заметно, что я не отсюда, не здесь родился. В детстве я жил на юге, рядом с морем. У своих родителей я был единственным ребёнком. Моя мать была ирейкой, а отец — хизерийцем.

— Значит, ты из депортированных?

— Да. Мы жили в городке недалеко от границы с Хизром, которая проходила по Чёрной степи. Несмотря на то, что отец считал себя ирейским человеком — он и дал мне ирейское, а не хизерийское имя — власть не заботили такие тонкости в годы подготовки к войне. В ходе этой подготовки я с отцом и оказался здесь. Поскольку кроме шахты работы здесь и нет особо, а в предвоенные годы железо нужно стране позарез, отец пошёл работать на рудник. Он считал, что тем самым внесёт и свой вклад в победу, после которой мы сможем воссоединиться с мамой.

— Её не отправили с вами?

— Нет, она же не хизерийка, — после паузы, Саша продолжил, — в годы войны мы пахали, как проклятые, нормы выработки были совсем невероятными. Шахта начала расширяться, штреков и ходов становилось больше, вновь возобновили работу в правой части, решив копать глубже, чем ранние выработки — вдруг там воды нет. Автоматика в те годы работала, как проклятая. Ни разу после войны я не слышал, чтобы перфораторы гудели и кричали, как в те годы. Несколько раз даже цепь не выдерживала и ломалась, отчего руду приходилось тащить по старинке, в тачках, пока цепь не починят, — Саша остановился и блекло улыбнулся, будто рассказывает хорошую историю не из своей, а из чьей-то чужой жизни, — как думаешь, когда люди работают в такой потогонке, насколько неминуемой становится катастрофа? Тринадцать человек погибло под обвалом в нынешнем Озере. Среди них был отец Аси. Среди них был и мой отец.

— Соболезную.

— Спасибо, но это уже старая история, — Саша повеселел и широко улыбнулся, —

жизнь стала попроще. Несильно, но по крайней мере потогонка исчезла. Жаль, что война кончилась ничем. Немного несправедливо это — кончать ничем войну, которая унесла столько народу. Но это лучше, чем если бы она ещё затянулась, — улыбка шахтёра стала сдержаннее, мягче, — мой отец умер от того, что не мог предотвратить, на работе, от которой не мог отказаться, в потогонном труде, в котором нуждалась война. Жизнь иногда может так случайно кончиться. К сожалению, такого он не мог избежать. Но, Мария, у тебя другие условия. Твой успех зависит от твоих сил, тебе решать, как закончится твоя охота. Поэтому не надо так загоняться. В конце концов, отдых — важная часть работы.

— Спасибо за заботу, но всё равно я не могу сейчас отдыхать. Вся работа идёт косо. Мне некогда отдыхать.

— Не буду тебя уговаривать, вижу, сегодня ты не в духе. Но, если что, завтра в два часа ночи будет небольшая посиделка в кабаке. В два часа, так как некоторые присоединятся к нам после работы. Кабак «Крафт» на улице Братская. Присоединяйся, если захочешь.

Перед сном Мария обдумала предложение Александра основательнее. Прийти в кабак не такая уж плохая идея. Если там будет много работников шахты, то, возможно, удастся узнать побольше о Варламе и подкопаться под него. Перед тем, как уснуть, Мария оттолкнула эти мысли от себя: не стоит даже думать о таком, ведь сама охота вызывает слишком много сложностей, и она не сможет окончиться гладко. Нельзя строить себе хорошие условия, пока работа летит в пропасть.

После долгого и бестолкового рабочего дня Мария покинула шахту. Охотник просидела почти до трёх у Екатерины в кабинете, сверяя учётную книгу — одна, так как у главного бухгалтера сегодня выходной. Все шахтёры вернулись. И сегодня чудовище не получилось ни найти, ни поймать на охоте. «Чем же питается эта тварь, святым духом? — думала Мария. — Она не пьёт, не охотится, ощущение, что оно и по руднику не перемещается. Будто и нет его вовсе! Ведь если вспомнить доклад бухгалтера Кати, шахтёры пропадали раз в три-пять дней. В последний раз чудище ело в четверг прошлой недели, то есть новая жертва должна была быть в воскресенье, понедельник или вторник, в мой первый рабочий день. Но с момента последней охоты прошло уже больше недели! Как я приехала, так сразу исчезли все зацепки, будто бы здесь не чудовище работает, а человек. Я бы так и подумала, даже несмотря на все рассказы шахтёров, если бы своими глазами не видела тело одного из убитых. Человек не способен одним ударом отломать другому человеку кусок позвоночника. По крайней мере, таких людей точно не может быть среди простого люда в маленьком городке на далёком севере».

Мария оставила учётную книгу в кабинете, закрыла его и сдала ключ на вахту. Выйдя на улицу, Мария не стала спускаться по лестнице, а закурила под навесом — ночь нынче была снежная и чёрная. Дососав сигаретку, Мария пробубнила: «К чёрту!» — и бросила окурочек в сугроб.

Спросив несколько раз у попадавшихся ей по дороге рабочих путь, Мария быстро добралась до небольшого трёхэтажного домика. Домик этот был моложе, чем многие здешние дома — возможно, дом сей появился здесь незадолго до войны. О молодости дома говорило то, что он не был сделан из досок или брёвен, как прочие, об этом же говорила и штукатурка, которая, тем не менее, уже отпала кое-где кусками, не выдержав северного климата. Окна у дома были только на третьем этаже. Над дверью краской было написано «Крафт». Видно было, что не так давно перекрашивали.

Внутри было темно и тепло, керосиновые лампы своим светом покрывали только длинный пристенный стол, на котором они стояли, да барную стойку. Стены кабака были чёрными, отчего помещение казалось небольшим. Рисунки и надписи мелом покрывали стены. За пристенным столом сидело несколько человек, они пили и много говорили друг с другом. За барной стойкой сидел только одинокий старик. Людей было не так много, ведь была уже ночь, и был сегодня день субботний, а не пятница. За барной стойкой сидели два человека из персонала — юноша и девушка с выразительными чёрно-чёрными бровями и смуглой кожей. Брат и сестра, хизерийцы.

Здесь Саша не было. Мария задумалась, не ушли ли они, но затем услышала разговор на втором этаже, уловила Сашин голос. Мария поднялась по чёрной винтовой лестнице. На втором этаже пространства было больше, здесь также были разукрашенные мелом чёрные стены, здесь стояли маленькие круглые столики и длинные столы на большие компании. За одним из длинных столов на диванах сидели рабочие, среди которых Мария узнала Сашу. Когда девушка поднялась, Саша тут же её заметил и помахал ей рукой. Девушка подошла к столу, поздоровалась с рабочими, они поздоровались с нею. Саша представил ей остальных. Среди рабочих, помимо Саша, Мария узнала Игоря и шахтёра с длинным носом и неаккуратно выбритым подбородком, с небольшими царапинками от бритвы — Николай.

Незнакомо ей было только два человека. Они оба работали на складе. Один из них был человек рослый и жилистый с широкими глазами и без переднего зуба — Антон. Вторым был также жилистый, но невысокий. Он был тихим и необщительным, весь дальнейший вечер он сохранил молчание и будет только слушать, иногда поглядывая на охотника — Мария не запомнила его имени.

Мария повесила шинель на крючок на стене, поверх полушубков рабочих, чтобы не замарать свою одежду мелом, и тихо под села на край дивана, рядом с Игорем, не влезая в разговор шахтёров и складских работяг.

Рабочие разговаривали живо и с чувством. Кто-то потягивал пиво, кто-то сидр, Саша не пил вовсе. По чесночному запаху можно понять, что кушали гренки, но давно уже все съели. Рассказывали по очереди друг другу забавные или интересные истории с работы (пусть иногда и те, кто хотели рассказать свою байку, пытались перебить рассказчика, чтобы начать свой рассказ). Некоторые истории были просто забавны, чьи-то истории, чаще всего истории самого старшего из них, Игоря, оканчивались общим смехом. Один раз жаловался складской рабочий Антон, как его жена дома заботой душит, чтобы он не надрывался сильно на работе. Антон воскликнул, как же ему не надрываться, если он один в семье работает, а она всё дома сидит. Разговор этот живо поддерживает Николай, говорит, что те же проблемы у него с женой, хотя и замечает, что нет работы для женщины в Павловке. Под конец вмешался Саша и с дружеской наивной улыбкой сказал, мол, не стоит корить жену за домашние хлопоты, пока сам посреди ночи сосёшь пиво в кабаке. Когда рабочие засмеялись, Антон лишь широко улыбнулся, глотнул пива и повёл бровями, мол, теперь он будет внимательно следить за Сашей, чтобы по-сопернически отомстить ему. В такие моменты Мария лишь усмехалась, больше из чувства такта, потому что юмор этих людей был ей не совсем понятен, а сами истории и анекдоты она не слушала целиком, а всё думала о своём. О своём скорейшем провале. Только когда рабочие начинали смеяться, она отрывалась от своих мрачных мыслей, усмехалась, улыбалась, а потом вновь возвращалась к ним, и корила себя за то, что пришла, что зря тратит время.

— А я Вас, кстати, видел, — вдруг обратился Антон к Марии посреди какой-то своей истории, — я тогда со склада вышел покурить, как раз поезд приехал. Курю, как вдруг вижу Вас, выпрыгивающую из поезда, а шинель вся на распашку и пляшет на ветру. Необычный способ добраться до нашего городка.

— Да, необычный. Просто железная дорога до Павловки — единственная, которая не теряется в метели, так что на поезде было быстрее и надёжнее, чем экипажем или на машине.

— Да-а, — протянул Антон и продолжил говорить с Марией через Игоря, — есть такое. Эт знаете, как про нашу страну говорят, что мы не Запад и не Юг, а что-то между, шо мы отдельная цивилизация. Вот наш Север такой же, только внутри Ирия — он не запад и не юг, отдельная цивилизация внутри отдельной цивилизации. Кстати, а ты откуда будешь? С запада или юга?

Мария заметила, что, когда в разговор включилась она, остальные разговоры сделались тише.

— Я из Рудногорска приехала, который южнее Павловки. Но я там не живу.

— А где живёшь тогда?

— Нигде. Живу в дороге.

— Ах, свободная жизнь, — присоединился Игорь, — но, наверное, немного тоскливо

без дома, куда можно вернуться.

— Да нет, я привыкла уже. Я очень давно живу без дома, хотя и хочу себе купить дом.

— На западе, юге или на севере? — игриво спросил Антон и широко улыбнулся.

— Не думала ещё. Может и на востоке.

Рабочие немного помолчали, не зная, что спросить ещё и вернулись к своим разговорам. Но не успела Мария вновь провалиться в свои мысли, как её вновь начали спрашивать. Сначала Николай хотел узнать, какова зарплата охотника. Мария отвечала коротко, но Николай был дотошен и всё у неё узнал, что Мария работает в частном агентстве, что зарплата у частных ниже, чем у государственных, что государственными охотниками зовутся не те, что работают непосредственно на государство, а охотники частных агентств, которые могут выполнять государственные заказы, узнал шахтёр и то, что зарплата зависит от работы и заказов, в которых участвует охотник, а госзаказы — это самый лакомый кусочек для любого охотника.

Потом вновь её оставили, а затем вновь начали спрашивать. Теперь уже Саша, он попросил рассказать что-нибудь военное, экзотичное, а то они тут всё про шахтёрские дела и видит он, что Марии не интересно. Сашу поддержал Николай, припомнил, что Мария на собрании во вторник упоминала южный фронт. Складские рабочие с интересом прислушались. Мария отказалась, сказала, что вечер больно хорош для таких историй. Антон взвыл и начал уговаривать охотника, но Саша его остановил: «Если не хочет Мария рассказывать, не надо её допытывать».

Потихоньку такими расспросами рабочие достали Марию из омута чёрных мыслей, девушка даже сходила на нижний этаж и взяла себе гренки и сидр. Вернулась она с вишнёвым сидром и сказала: «Если в кабаке есть вишнёвый сидр, то это хороший кабак».

Когда Мария наконец простилась с плохими мыслями и начала слушать чужие разговоры и пить сладкий сидр, Саша задал неожиданный вопрос.

— Извини, но вижу, Мария, что ты в последнее время немного подавленная. Потому я всё не могу избавиться от мысли спросить, как идёт твоя охота?

После вопроса Саша все разговоры резко стихли или вовсе прекратились. Саша сидел на другом диване, у стены, наискосок через стол от Марии. Охотник нервно улыбнулась, отпила сидра.

— Пока не очень, сам же знаешь.

— Ты только не думай, что я хочу тебя обидеть или задеть. Просто, когда ты только приехала, ты прям источала уверенность, а сейчас ходишь целыми днями мрачная. Ты справишься?

— Конечно! Просто дело имеет некоторые непредвиденные сложности. Но стоит мне только отыскать нашего подземного недруга, и ему хана, это я гарантирую. Проблемы же возникли только с поиском. Не с убийством.

— А куда нам знать, что и с убийством не возникнут? — спросил Николай. — Можешь считать грубостью, но я всё же нагрублю, потому что твоё дело касается нас напрямую — ты не похожа на человека, который сможет одолеть монстра. Некоторые шахтёры же видели его, там невеста какая страшная страхоёбина!

— Конечно не похожа, я ведь не человек, а упырь, который способен убить монстра.

— Ха-ха, — железно посмеялся Николай.

Мария видела, как смотрели на неё рабочие, кто прямо, кто косо. Их волновал то же сомнение, что высказал Николай. Мария взяла табличку с блюдами, что стояла на столе,

пробежалась по ней глазами и стукнула ею по столу.

— Предлагаю пари! Коль вы мне не верите, а я вижу, что не верите, — Мария по-детски игриво улыбнулась, — у вас нет возможности отказать мне. Суть пари такова — мы проведём соревнование в армрестлинге. Вы все против меня, по очереди. Как и всякое хорошее пари, играть мы будем на деньги. Если хотя бы одному из вас будет по силам одолеть меня, я плачу каждому по три рубля, — краем глаза Мария заметила, как у Антона загорелись глаза. Да и остальные несколько оживились в лице, отчего улыбка девушки стала шире, и Мария заговорила медленнее, — но если я одолею вас всех, то вы, — Мария вновь обратила свой взгляд на табличку, — вы все заказываете мне «Свинину на живом огне». Она как раз стоит пятнадцать рублей, то есть по три рубля с каждого. Согласны?

— Я первый! — выкрикнул Антон, не успела Мария ещё договорить.

— Отлично, я после тебя, — сказал Игорь, — я ещё не так стар, чтобы отказываться от такого.

Второй складской рабочий поднял руку с тремя вытянутыми пальцами, а затем показал на себя.

Николай сначала смотрел на всё это состязание скептически, но хитрая и игривая мордочка девушки, источаемая ею уверенность убедили его поучаствовать, просто чтобы проучить. «Я тогда четвёртый» — поднял руку Николай, пожалев, что не стал первым, ведь до него очередь явно не дойдёт.

— Вы играйте, а я, пожалуй, не буду, — сказал Саша.

— Да ну тебя, Александр Булатович! — прикрикнул на него Антон. — Деньги жаль что ли?

— Спокойно-спокойно, в пари я участвую. Просто играть в армрестлинг с девушкой — это не моё.

— Каков хитрец! Хочешь заработать на моей победе, даже не предложив своего участия?

— Да ладно, не трогайте его, — сказала Мария, — он просто трусит.

— Можете считать так, — развёл руками Саша и откинулся на диванчик.

Мужики встали из-за стола, чтобы диваны были свободными для соревнующихся. Сели друг на против друга складской работник Антон и Мария. Антон широко улыбался и высоко поднимал брови. Он разминал плечо, и его движения были широки, то ли от уверенности, то ли от опьянения, либо же от всего вкуче. Мария же не улыбалась уже по-детски, её улыбка была сдержанной и даже немного зловещей и железной. Противники крепко сжали друг другу руки. Огромная белая рука Антона казалось ещё больше рядом с сильной, но небольшой женской рукой. Игорь начал отсчёт.

«Три! Два. Один. Начали!» — рука Антона вздулась, проступили вены и кости кисти, но Мария не поддавалась натиску Антона. От удивления у складского рабочего чуть не выпали глаза, ослабла хватка — всего на мгновенье! Как вдруг грохот, и рука рабочего упала на стол, а рабочего немного повело в сторону.

Мария отпустила Антона и крикнула задорно: «Следующий!».

— Всё, пусти меня, — сказал Игорь.

— Нет-нет, погодите, я просто не ожидал, дайте ещё! Я просто расслабился, и вот всё само и испортилось!

— Нет-нет, нельзя так, — сказал Николай, у которого появилась надежда самому проучить охотника, — строго по очереди.

— Да ведь я даже серьёзно не начал...

— Да вали отсюда, или мы тебя за уши вытащим! — засмеялся Игорь.

Антон посмотрел на товарищей и ушёл, только буркнув под нос: «Злые вы, злые». Сел Игорь. После небольшой разминки Мария поставила руку на стол.

— Я уже не так молод, так что уж будь со мной помягче, — улыбнулся Игорь.

— Хорошо, но победить я тебе всё равно не дам!

Вновь отсчёт и снова схватка. Игорь учёл ошибку Антона и не расслабился, он был готов к борьбе. Долго противники силились, но руки их так и не сдвинулись. Казалось, что Мария специально держит Игоря на одном месте, чтобы он выдохся и расслабился, или действительно не могла его победить. Секунд пятнадцать длилась борьба и Игорь начал сдаваться, и, когда его рука почти коснулась стола, он сдался.

— Фух, действительно, сильна вампирская рука, — сказал шахтёр, потирая кисть.

— А то. Но в свою защиту скажу, что не каждый вампир сможет с тобой бороться. Моя сила не только природой дана, но и заслужена усердием и трудом!

Сел третий, молчаливый складской рабочий. Он боролся долго, но не как Игорь, и сдался быстрее. Затем сел Николай. Он уже успел по достоинству оценить силу охотника, но не отказался от намерений проучить её. Теперь же, как стратег, он полагался не на свою силу, а на истощённость врага.

Вновь отсчёт и снова борьба! Сражение было равным. Хоть Николай и был самым тощим из всех, он всё же проходчик и в силе не уступал другим. Мария же изрядно устала. Рука её горела, не раз сдавленная кисть ныла, а плечо будто бы уже не работало исправно. Николай уже почти прижал её, но охотник не отступила, что есть сил надавила, не брала уже выносливостью, решила взять напором. Резко дёрнула и приложила Николая ко столу. Николай потёр руку с кислой рожей — то ли от боли, то ли от сожаления.

Мария вытянулась на диване, весёлая и довольная. Теперь её ждёт мясо. Но в пари участвовало пять человек, а боролось только четыре, и к горечи Марии рабочие начали уговаривать Сашку побороться. Хоть охотник и была уверена, что сможет победить их всех, сейчас она понимала, что отказ Сашки, скорее всего, сыграл ей в пользу. Рабочие его всячески упрашивали и убеждали, мол, он же денег тоже терять не хочет, что вон, соперник устал уже, победа почти в кармане! Но к счастью Марии, Саша всё отказывался

— Довольно, мужики, вон, доканалы уже девушку. Если она из-за нас завтра меч держать не сможет, нам же хуже будет.

Не смогли Сашу уломать, победа осталась за Марией. Поскольку Саша не трудился, его и отправили за мясом. Целый килограмм жирной и лоснящейся на свету свинины с жаренной корочкой, приготовленной кусочками на живом огне. Все немногочисленные ночные посетители ненавидели Марию за этот запах жаренного хорошего мяса.

Мария, вернувшаяся с ещё одним стаканом сидра (уже третьим за ночь) немного съела мяса, остальным поделилась со всеми. Когда за этот поступок её начали благодарить, она лишь едко рассмеялась и сказала: «За что благодарности? На ваши же деньги банкет!». Скажет и хохочет, едко, но по-ребячески, и глаза хорошие.

Николай, когда оправился от поражения, решил спросить, нет ли у Марии служебных историй из довоенного периода. Спросил у неё какую-нибудь весёлую историю из юности. Мария сказала, что историй таких немного, но одну рассказала. Она рассказала, что для упыря есть очень немного возможностей выбиться в люди и одна из них — армия. Этой возможностью упыри пользуются чаще всего, потому как она самая доступная. Но у неё была

и другая проблема, помимо упырьской природы — она женщина. Но её с сестрой в годы отрочества выращивал очень хороший человек, также упырь, уважаемый солдат. Потому Мария уговорила его, чтобы он помог ей записаться в военное училище под видом мальчика. Опекун не хотел для девочки военной карьеры, но просьбу её удовлетворил. Долго потом Мария была по документам Марком Плеймном, только вот недавно, в самом конце войны стала по паспорту женщиной Марией.

Опекун хотел, чтобы Мария, столкнувшись с трудностями, передумала и ушла из училища. С трудностями она столкнулась: она не могла позволить себе переодеться вместе со всеми — была известна в группе тем, что спортивную форму всегда носила под учебной. В спортивных дисциплинах ей также было тяжело; хоть и упырь, силу ей пришлось развивать. Со своей группой была недружна, хотя дружила с ребятами из других. В учении же наоборот, ей было достаточно легко, и своих товарищей она обгоняла. Пошла потом, по мужскому паспорту, в высшее заведение, которое закончила не за четыре года, а за три, в звании младшего лейтенанта. Тогда её и приняли в диверсионно-разведывательный отряд.

Её командир быстро разгадал, что она не мужчина. Когда она у него спросила, когда он это понял, ведь она всегда умело притворялась, он ей ответил лишь: «Потому все твои товарищи по учёбе и пошли, кто куда, но не попали в разведку, а ты попала. Только вот ведь незадача, я ведь тоже разведчик». Дальнейший рассказ был менее последовательным и более путаным. Из него можно было чётко понять лишь то, что они с командиром сыграли свадьбу незадолго до войны, хоть и не официальную, так как тогда по документам она всё ещё была мужчиной. Из-за этого солдаты в отряде шутливо называли командира «оскопистом». Как говаривал один её товарищ: «Превратить мужика в женщину — подвиг, достойный генеральской пенсии».

История не была смешной, скорее забавной, с изюминкой. Но чем больше рассказывала Мария, тем тише она говорила. Её голос терял задор, взгляд терял ясность и глаза будто бы слезились. Сначала это было почти не заметно, но под конец Игорь заметил, что девушка на обеих руках носит два одинаковых кольца.

Когда голос Марии стал совсем тихим и редким, внезапно всех разбудил хлопок Саши: «О, вот прям что-то похожее...одну шутку я вспомнил!» — и рассказал шутку, никак не похожую на историю Марии.

Разговор вновь перетёк к шахтёрам и шахте. Со временем Мария снова втянулась и повеселела, хотя юношеский задор, с каким она недавно громила противника за противником, этой ночью к ней не вернётся.

Позже она спросила, почему шахтёры так беспокоятся по поводу отмены ночной смены. Они — в основном Игорь — поведали ей, что только рабочие утренней смены не меняются, а те, кто работают днём, вечером и ночью, меняются каждый месяц. С дня на вечер, с вечера на ночь, с ночи на день. И дело ведь опять в этом монстре. Рабочих ночной смены с появлением чудища отправили на неоплачиваемый отпуск. Видимо, секретарь думал, что чудище само как-нибудь без еды и сдохнет. Но не сдохло. И теперь начали гулять слухи, что отпускных вернут — нельзя же им всё без денег сидеть — а раз их вернут, то в отпуск отправят кого другого, и кому-то другому придётся посидеть без денег. Да и уже ноябрь, а раз их — вечерних — переведут позже на ночную смену, то позже переведут и на приятную дневную.

— К тому же, ночная смена немного удобнее, — сказал Саша, — зимой, конечно, солнце не видишь совсем. Встаёшь — уже темно, ложишься спать — ещё темно. Но зато,

когда ты встаёшь, родственники ещё не спят, и ты можешь немного времени проводить с семьёй. В вечернюю смену ты семью совсем не видишь.

— Ну, не знаю, — промычал Игорь, — может, это я старый, но ты тот ещё гигант, если с ночной сменой у тебя есть силы на семью. Я то и старшего и младшего выучил, если у отца ночная смена — в этот месяц в доме жизни нет, потому что я сплю.

Посмеялись. После Игорь решил пойти покурить и утянул за собой Николая и Марию. Антон тоже хотел, но встать ему было совсем не вмоготу. Спускаясь, Мария чуть ли не два раза подряд пропустила ступеньку, на что Николай подшутил: «Осторожней, а то ты так ещё короче станешь».

Свежо на улице и холодно. Только почувствовав свежесть улицы, Мария поняла, как душно было в тёмном кабаке в кругу большой компании и под градусом. Но ей не было плохо от той духоты — давно она не была уже в компании. Уши у неё горели.

— Я так поняла, Варламом вы не сильно довольны, — спросила Мария. Игорь пожал плечами, — не пробовали ли вы давить на него чем? У него же наверняка есть тёмные дела.

— Понятно, что есть, — сказал Игорь, улыбнулся, — у кого их нет. Да страшно. Секретарь как никак. Законы ж для простых людей только писаны. Пока мы соберёмся подать жалобу, пока отправим её, пока она пройдёт по всем инстанциям и попадёт, куда надо, если не потеряется, он же всем тут жизнь успеет попортить и крови нашей напиться. Без обид.

— Без обид. Упыри не пьют кровь, они едят мясо, — Мария усмехнулась.

— Да, законы для смертных писаны, — продолжил Николай, — признаться стыдно, я сам немного воровал когда-то. Ну, не совсем воровал. Нечестную работу делал. Помогал с внеплановыми разгрузками на складе. Когда должность твоя секретарь или ещё кто похожий, то все преступления твои не на деле, а на бумаге. Хех, секретарь, само слово таит в себе секрет, — Николай улыбнулся, — я точно не знаю подробностей, но вроде как, Варлам Прокофьевич на деньги, которые ему выделяет начальство на закупку сырья, покупает сырьё подешевле, а разницу — в кармашек. Вот это вот подешевле я и разгружал когда-то.

— Имеет смысл, — сказала Мария, — когда ты секретарь, не гоже тебе горбатиться и воровать по старинке, руками.

— Именно! Он руками ничего не делает, даже ворует не своими руками. Это же даже поговорка есть такая: «В нашей стране всё просто. Хочешь быть неуловимым вором? Тогда тебе стоит воровать не драгоценности, а вагоны с драгоценностями». Правдива поговорка. Чем выше зарплата, тем больше грабёж. А когда ты получаешь мало, то и украсть можешь одни лишь гроши. После того, как одного такого же как я поймали, я перестал этим заниматься. Эти гроши того не стоят.

Мария задумалась над словами Николая и внутренне, не подавая виду, обрадовалась. Она в кутеже и забыла, зачем пришла. Теперь она знает, что ей надо искать и где искать.

— Возвращаемся? — спросил Игорь.

Мария немного подумала: она ведь всё равно уже получила, что хотела. Но вернулась к остальным. Уж хороша ночь!

Когда курильщики вернулись, Игорь дал Марии сесть на диван не с краю, а в центр, а сам остался стоять. Все молчали. Заговорил Игорь.

— Слушай, Мария, есть разговор. Видим мы, человек ты хороший, нам то и Саша говорил, когда звал нас всех ночью, план предлагал, а мы ему не верили. И сейчас не верим, потому что не надо верить, когда сам видишь всё своими глазами. Но верим мы теперь в

Сашин план.

Мария оглянулась на Сашу растеряно, не понимая, почему вдруг так резко сменился разговор. Тут уже заговорил Саша.

— Нам нужно убить подземное чудище. Ты, как и мы, понимаешь, что для такой охоты одного человека мало. Нет, ты даже лучше нас понимаешь, ведь это твоя работа, твоя профессия! Я думаю, что ты также понимаешь, почему Варлам вызвал одну тебя. Мы знаем, что он соврал в заказе и знаем, почему. Он боится инспекции. Ведь если в шахте завелся монстр, будет потом инспекция. А он не хочет её, ведь он вор. Но его дела нас не касаются, нам жизни свои дороги и не только свои, но и жизни наших жён и детей, ведь здесь, в Павловке, мало какая женщина сможет прокормить себя и ребёнка одна. Нам нужен отряд охотников. Но если мы напишем жалобу, её зажмут, а Варлам Прокофьевич попортит нам жизни. Но ты, Мария, не шахтёр, ты здесь не работаешь. Если ты пойдёшь к нему с требованием, он не сможет испортить тебе жизнь, потому что ты не его работник и на твоей стороне правда. Ты бы могла надавить на него, чтобы вызвал он отряд, мы тебе поможем. Мы уговорим всех наших коллег поддержать тебя.

— Выступим единым фронтом, как защитники Кинхайта! — сказал Игорь. — Они были дружны, вот их и не взяли за всю войну ни артиллерией, ни пехотой, ни магией, ни даже ядами. И нас не возьмут!

— Да, выступим единым фронтом, ведь он вор, а вор всегда трус, потому что вору всегда есть, что терять.

Мария чувствовала, как на неё смотрели. Говорили только Саша и Игорь, но её ответа выжидали и Николай, и Антон, и рабочий, чьё имя она забыла. Мария хотела выпить, но сидр кончился.

— Даже не знаю, что ответить. Работа, конечно, сложная, но я могу уверить вас, что сама справлюсь.

— Мы знаем, сегодня ты уже доказала, что сильна. Но речь ведь идёт не об убийстве чудища, — продолжил Саша, — речь о спасении жизней. Ты не можешь отрицать, что сложность работы твоей в том, что ты одна. Я понимаю, всё это немного внезапно. Но ещё я могу добавить, что ты в накладе не останешься. Если ты нам поможешь, мы покроем твои убытки всей шахтой. Нас, шахтёров, триста человек!

— И тридцать семь работников склада. И прочих рабочих ещё человек, наверное, сорок! — добавил Антон.

— Если ты нам поможешь, мы соберём тебе деньги. Кто по четыре рубля, кто по три, кто совсем не может, даст два или хотя бы даже один рублик. Даже если согласится только половина шахты, это уже больше двух ста! А того и гляди человек триста может согласится!

Мария не могла не задуматься. Такие деньги ей, конечно же,годились бы. Да и согласна она, что подвергать рабочих опасности нельзя. Она и раньше думала об этом, но тогда она прогнала эту мысль. Сейчас же, когда она окружена взглядами людей, чья жизнь зависит от её решения, так просто она эту мысль не отпугнёт. Конечно, эти рабочие не смогут сделать её госохотником. Но большие деньги — тоже неплохо, а шанс у неё ещё будет. Она не так давно работает охотником. С другой стороны, Мария вспоминает свой указ, который дала сама себе — не помогать другим себе в ущерб. А ущерб есть, ведь деньги большие, но разовые, в то время как доступ к госзаказам откроет ей дорогу к постоянному большому заработку.

— Простите, я не могу пока ответить. Мне нужно подумать.

Только рабочие заголосили одновременно и начали убеждать Марию, как Саша их остановил.

— Довольно! Она сказала, что подумает. Не давите.

Рабочие замолчали. Со временем разговор вернулся в прежнее русло дружеских историй. Мария не стала покидать компанию, хоть и ночь была испорчена для неё. Ненадолго: она купила ещё два стакана.

Разговор окончательно вернулся в прежнее русло. Мария вновь могла смеяться со всеми, и смеялась она громко. Будто и не было того разговора. Но разговор продлился недолго. Был уже шестой час. На улице было ещё темно, но все понимали, что утро скоро — решили расходиться. Лишь Мария, попивая вишнёвый сидр, не хотела уходить и грустила, что все уходят, но виду не подавала.

Саша уговорил Марию всё же пойти домой. Он помог ей встать и надеть шинель. Они вместе вышли и пошли.

Было черно, темно, но снег не падал. Мария шла по заснеженной дорожке мимо сугробов, а Саша придерживал её. Мария шла, повиснув на плече мужчины.

— Ох, Саш, хорошо мы посидели! Давно я так не развлекалась, — Мария говорила громко. К стыду Саши, слишком громко.

— Хорошо-хорошо, только тише. Ты ж пьяна.

— Есть такой грешок, — Мария улыбнулась и засмеялась, — я и не думала, что ты умеешь так развлекаться. Ты казался таким хорошим мальчиком. Хозяйственный, семьянин... а ты то вон какой шалунишка. Хочешь петь? Вот я хочу! Хочу, чтобы ты спел что-нибудь весёлое.

— Не стоит, люди спят.

— Да плевать! Ладно, сама спою. Давай, в такт! Аты-баты! — Мария потянула Сашу на себя. — Шли солдаты! — девушка толкнула шахтёра в другую сторону. — Аты-баты! На базар! Аты-баты! Что купили? — Мария сильно дёрнула Сашу на себя, мужчина чуть не упал. — Аты баты! Самовар! — громко крикнула Мария и прыгнула на плечи.

Саша не удержался, девушка повалила его в сугроб. Когда Саша смахнул снег с лица, он увидел лицо девушки прямо перед своим. Волнистые волосы, покрытые снежным пушком, укрыли её лицо, но шахтёр видел её хитрые глазки. Мария улыбнулась и тут же прикусила клыком Саше нос. Пошла кровь. Девушка засмеялась звонко, вздохнула и легла Саше на грудь. Он чувствовал её жар, её лёгкое дыхание, как она давила собой на его грудь. Сейчас девушка казалась Саше такой маленькой, крохотной, пока лежала на его груди. Словно дочь, уснувшая в объятиях отца. Саше было неловко за такую мысль. Отчего-то ему стало жаль девушку.

Мария не долго лежала на Саше. Очень быстро она сползла с него в сугроб и отвернулась. Шахтёр встал, отряхнулся.

— Вставай, Мария. Пошли домой. Спать пора.

— Иди, я тут посплю.

— Нельзя! Замёрзнешь ведь.

— И ладно. Оставь меня здесь мёрзнуть. Брось меня на снегу. Я помёрзну чуть-чуть и приду.

— Не годится, пошли. Тебе на работу завтра.

— Да кому нужна такая работа.

Саша взял девушку за руку и поднял, взял её под плечо. Мария пошла с ним. Больше они

не говорили. Когда они вернулись домой, Саша помог девушке разуться, снять шинель. Он помог Марии стянуть бригантину и акетон, но решил не помогать с остальной одеждой. Уложил Марию в кровать — девушка сразу же заснула с приоткрытым ртом, словно ребёнок. Саша спустился на первый этаж и сам разделся, уже через силу: устал. Лёг в постель.

— Хорошо погулял? — спросила сквозь сон Ася, разбуженная мужем.

— Не знаю пока, — ответил Саша после короткого раздумья, — завтра ясно будет.

Саша поцеловал жену в лоб и заснул с мыслями горькими и печальными.

В чёрный вечер понедельника, когда вернулась на поверхность ночная смена, Мария сидела в кабинете главного бухгалтера. Сегодня ей снова не посчастливилось наткнуться на монстра, тем не менее охотник собирается продолжить поиски и проигнорировать просьбы рабочих. Сидя одна в кабинете, Мария не могла отвести мысли, что в одном из шкафчиков лежат те самые документы о закупках, которые она могла бы взять в качестве компромата. Однако шкафчики Мария не проверяла: Катерина в любой момент могла вернуться.

Охотник сидела на стуле, уперевшись локтями в высоко поднятые ноги, одна нога пританцовывала. Девушке хотелось затянуться сигаретой; аж живот скручивало, но она не могла выйти: ждала учётную книгу. Мария посматривала на дверь в ожидании. Она усердно размышляла над всевозможными вариантами разговора с Сашей, отчаянно пыталась просчитать ход их беседы. Она чувствовала, что эта беседа обязательно свалится ей на голову, Саша не отступится. Охотника метало из крайности в крайность: от желания объясниться и успокоить до желания послать к чёрту и поставить перед фактом, с которым Саше придётся смириться. Она принимает решение, не он. Он не влияет вовсе. Конечно, можно было бы быть с ним откровенной, ведь его семья радушно принимают её у себя. С другой стороны, им платят за это: «Не велика заслуга».

Дверь аккуратно отворили. Мария вздрогнула — зашла Катерина — успокоилась. Мария расслабилась в стуле, потёрла уставшую шею, Катерина протянула Марии журнал.

— Держите, забрала его из бытовой комнаты.

Мария рефлекторно взяла учётную книгу. Открыла её. Начала перелистывать, как вдруг охотник вжалась в кресло.

— Почему ты принесла её? Где Саша?

— В душевой с остальными, должно быть. Я просто была там по делу, вот и захватила журнал заодно.

Мария резко перелистывает книгу до сегодняшних страниц, открывает сегодняшнее время. Глаза её бегут быстро и быстро находят Сашу. Охотник вскакивает, пробегает мимо Катерины, почти сбивая главного бухгалтера, набрасывает шинель, хватается за меч.

— Я спускаюсь. Проверь журнал, вдруг ещё кто не вернулся. Спроси у шахтёров. У тебя семь минут, я позвоню, как спущусь.

— Может, он просто не отметился ещё?

— Тогда он тупой баклан, но я перестраховуюсь. Марш работать!

Мария схватила фонарь и спустилась в шахту. Дозвонилась. Саша не вернулся, Николай тоже.

— Где они сегодня?

— В пальце, в конце основного ствола.

Мария повесила трубку, выхватила меч и побежала вдоль одноколейки.

Проклятье, почему сейчас? К чему такая внезапность, безмозглая тварина? Только посмей, только попадись мне — я тебя собственные кишки сблёвывать кусками заставлю!

Мария добежала до конца железной дороги, там она нашла Николая. Бледный и холодный, его глаза уж окаменели, пальцы крючками схватили футболку. Аорта была разодрана в клочья.

Нет, всё должно было быть не так. Проклятье! Николаю уже не помочь... надеюсь, он

долго убежал, и ты ещё жив, Саша.

Пахло тёплым железом. Чёрная лужа крови разлита по полу, где пыль и серо-бурая грязь впитали в себя жизнь Николая. Мария глубоко вздохнула и почувствовала другой железистый запах — другую кровь! Охотник мягкой поступью двинулась туда, куда её утягивал запах — в Каплю.

Охотник сжала меч до хруста костяшек. Мария не рассуждала, не рефлексировала — всё её естество погрузилось в чувства. Глаз начал явственно распознавать мельчайшие детали, будто бы шахту озарил солнечный свет. Тёплое железо било запахом в нос, вызывало слюну во рту. Слух стал столь тонким, что охотник слышала, как ещё вытекает кровь из тела, что она оставила позади. Даже восприятие тела обострилось — охотник чувствовала касание воздуха и его малейшие шевеления. Сейчас и мошка не проскользнула бы мимо незамеченной.

Охотник зашла в Каплю. Глаза увидели вдаль свет, уши услышали дыхание — прерывистое и тяжёлое, но несильное. Мария погасила фонарь, охотника обволокла тьма, сделала Марию лишь частью самой себя. Мария прищурилась, чтобы её глаза не давали отсвета. Медленно прошла мягкой поступью дальше, будто бы вовсе не касалась земли.

Саша лежал, оперевшись на стену. Чернота и грязь покрывали его лицо, большие белки испуганных глаз бегали из стороны в сторону. Из рассечённой брови текла кровь. Шахтёр не мог подняться, он вывихнул лодыжку. Мария аккуратно присела за небольшим каменным бугром.

В Каплю ведут два хода. Запах крови Саши идёт по руднику далеко. Особенно если учесть, что чудовища почти всегда обладают куда лучшим обонянием, чем упыри. Если чудище пойдёт по тому ходу, по которому шла я, то я услышу. Если пойдёт по другому, то в свете фонаря задвигнутся тени, я увижу. Откуда бы оно не пошло, его лапы покрыты кровью, я учую. Николай убит недалеко. Если немного подождать, то оно явится. Я увижу его. Убью. Я убью его, надо ждать.

Мария стала частью тени, что окружали Сашу и поедали свет тусклого фонаря. Она стала недвижимым камнем, что жил наблюдением за миром, вдумчивым и дотошным. Подобно камню, она была лишена движения, потому лишь наблюдала, жадно схватывала всякое движение действительности, что попадало в сферу её восприятия. Вздымание и опускание груди Саши, течение его крови, как из брови, так и под кожей, дрожание керосинового огонька в лампе, танцы теней, кружение пыли в воздухе, текущую по стене каплю, движение испарины на лбу шахтёра. Сущность каждого движения отражалась в налитых кровью глазах, чьи зрачки сильно расширились. Сущность всякого движения отражалась в глазах, что теперь напоминали две сгнившие из центра вишни. Но вдруг Мария вздрогнула.

Зачем я это делаю? Чтобы убить. Я ставлю на кон жизнь, но не свою. Какого чёрта я творю?

Мария глубоко вздохнула и выпрямилась, вышла из-за бугра и зажгла фонарь. Саша побелел. Мария замахала фонарём, и Саша улыбнулся с облегчением. Охотник подошла к шахтёру.

— Господи, словами не передать... — зашептал Саша, но Мария прислонила палец к своим губам, и Саша смолк.

Девушка погасила свой фонарь, прицепила сашин фонарь к поясу, помогла встать шахтёру и взяла его под плечо, став ему опорой.

Долго они так ковыляли вдвоём, одни во тьме рудника, что растворяла всё вокруг, подобно кислоте. Подобно сильно нагретому йоду, окружающие их стены теряли свою форму, расплывались на воздухе, становились одним целым с воздухом. В свете фонаря бесилась тьма. Она измывалась над восприятием, заигрывала со страхом так, что в каждом шевелении виднелось зло. Хотелось, чтобы всё остановилось, чтобы весь мир умер, но не двигался более, чтобы своей смертью он успокоил движение образов, что рождало сознание.

Так видел всё Саша. Он был напряжён, словно вот-вот на шее его стянется петля. Однако он рад. Рад, что за ним пришли и рад, что не проделывает этот путь он в одиночку. Если бы шёл он в такой темени один, сошёл бы с ума. Если б остался в глубине шахты, сошёл бы с ума. Его нога болела, но хоть и маленькая, но крепкая и сильная женщина под его плечом давала ему столько сил, что он мог бы стерпеть и большую боль.

Мария же видела мир ярче и чётче. В напряжённых ситуациях она никогда не думает. По крайней мере не думает так, как думают люди обыкновенно. Она не размышляет, не погружена в эмоции и переживания — только в чувства. В такие моменты только то единственное заботит её внимание, что связывает её с миром — чувства. Тем не менее она тоже радовалась, хоть и не думала, почему.

Вдруг охотника пробил озноб, будто бы кто-то пустил ледяные пальцы ей в спину, проник вглубь мышц, пронзая их между волокон. Зубы её сжались, мышцы сковала сталь. Мария отбросила Сашу, отпрыгнула, пригнувшись, как вдруг в руку влетел будто бы зазубренный валун. Марию прибило к полу. Зуб осколочился, в рот прыснуло кровью. Над головой взвыло нечто, будто бы десять человек разом утопили в кипящей воде. Мария перевернулась, выхватила пистолет. Щелчок — взрыв, щелчок — взрыв, ударная волна одновременно отражалась от каменных стен, потолка и пола, барабанная перепонка набухла кровью, и каждый взрыв слышался всё хуже, но приносил за собой всё больше боли. Шесть выстрелов сделал пистолет и заклинил.

Над Марией высился вытянутый торс, чьи кости обклеивала полупрозрачная кожа с прожилками. Из торса параллельно полу торчал второй торс, что с помощью плечей и бёдер шевелил двумя парами толстых ножек. От взрывов чудовище взвыло, огромные бугристые клешни обхватили сдавленную с висков голову, монстр пытался закрыть огромные кожистые уши. От боли под кожей задвигались будто бы уходящие вовнутрь рёбра, под кожей задёргались лопатки.

Мария вскочила, ублюдок завопил, и его голос резко опустился и растворился в воздухе. Он продолжал бесшумно орать. Марии вскружило голову. Ко вкусу железа во рту примешался свинец, в глазах зарябило, мышцы сковало древесным соком. Мария впилась зубами в губу, из ножен вылетел меч, взмыл к потолку. Со свистом пули он рухнул. С треском прорубая кожу, проламывая рёбра, уродуя уродливый торс, меч вытянул много крови из тела и с грохотом рухнул на землю. Чудовище прыгнуло на потолок, второй удар его едва поцарапал. Толстые ножки заплясали в разнобой, затопали по камням и чудовище унеслось. Ещё долго сквозь тьму проглядывалось его шевеление, а Мария видела отблески белой кожицы.

Охотник глубоко вздохнула, и её дыханию и сердцебиению вскоре вернулся привычный ритм, а на лбу и на спине выступил ледяной пот.

— Оно сбежало, — после недолгого молчание вздрогнул голос Саши.

— И так вижу. Проклятье. Чтоб его разорвало.

— Чего ты? Ты нанесла ему отличный удар! Никто не выживет после такого.

— Это не убьёт его. Гарантирую. Пора сматываться отсюда. Вставай.

Мария подала Саше руку, и взяла его под плечо, и тут же чуть не упала с ним. Адреналин схлынул и уступил боли — чудовище сломало ей левую руку.

Глава 8

Мария держала загипсованную руку на мятом металлическом столике, пока медсестра обматывала гипс бинтом. От тупой пульсирующей боли на лбу охотника проступал холодный пот, хоть сама Мария и не нервничала: перелом был незначительным. Когда сестра закончила, она что-то сказала. Мария следила за губами пожилой женщины из-под упавших на глаза волос, но не слушала. Как только женщина заткнулась и кивнула в знак того, что Мария свободна, охотник забрала свой меч и вышла из кабинета.

Будто бы во сне, охотник плелась по чёрному коридору вдоль закрытых белых дверей. Под ногами хрустела старая кое-где потрескавшаяся плитка. Затем был лестничный пролёт с серыми стёсанными ступеньками. Девушка не торопясь поднималась вдоль длинной зелёной облезлой стены, пробиралась на ощупь в ночной темени. Мария поднялась на третий этаж, запыхалась. Она вновь оказалась в коридоре, в таком же, как и на первом этаже. Склепное безмолвие потопило коридор. Мария улыбнулась. Ведь что может быть более похожим на чудовище, чем тощая черноволосая девка, что, шоркая, тащит за собой меч по коридору ночной больницы.

Мария подошла к палате. Открыла слегка скрипучую дверь. В палате был лишь один человек. Саша лежал на койке, вытянув ногу, скованную бандажом.

— Хорошо держишься! — бойко сказал Саша, завидев Марию.

— Ты тоже, — Мария положила меч на соседнюю койку и села на стул у основания Сашиной койки, — как нога?

— Да так! Всего лишь вывих. Не перелом, — Саша кивнул на руку охотника.

— Это тоже ничего страшного. Через недельку заживёт.

За окном вдоль ночных дорог и просек, по крышам домов и сараев нёсся и был холодный ветрище. В окно кривыми пальцами стучала чёрная лысая ветвь.

— М-да уж, ну и погода... Слушай, а Николай...

— Мёртв.

— Ясно. Бедная Вера... — после недолгой паузы Саша заговорил задумчиво. — Когда мы закончили и начали подниматься на поверхность, ему стало плохо. Его тошнило. В последнее время в шахте часто кого-то тошнит. Я остался с ним, чтобы не оставлять Колю одного. Ну и мы как-то отбились от остальных, а потом это...

— Чудовище использует Волю. Тошнота — это лишь следствие устрашения Волей, — подметила Мария.

— Волю? Типо, оно просто желает и... что-то происходит?

— Немного не так, это не желание. Просто научный термин. Волшебство, если говорить по-простому.

Кривые оледенелые пальцы скреблись по стеклу. Вьюга вздымала облака снега и льда. Где-то вдалеке тёмного коридора кто-то топал. В соседней палате поскрипывала старая койка.

— Спасибо, что уберегла меня от этой страхолюды. Честно, спасибо. Ты не представляешь, как я был рад, когда ты появилась передо мной. Уж думал, каюк мне. Как по мне, уж лучше умереть на работе под завалом, чем стать чужим обедом. Но уж ладно, поздно уже. Не буду тебя задерживать. Ты только Асе передай, что хорошо всё со мной, а то она, небось, уже вся извелась.

Мария не встала и не ушла. Она не обратила внимания на слова шахтёра; охотник, согнувшись горбато, упёрлась чёрным глазом в пол.

— Это ведь моя вина, что он погиб.

— Не надо так загонять себя. Ты же спешила, как могла. Да и вообще, это всё секретарь. Он на всё готов, лишь бы рожу в пуху сохранить. Даже если другие страдают от этого.

Мария криво улыбнулась. Правый уголок рта нервно подскочил, и правый глаз прищурился.

— Я проигнорировала вашу просьбу. Решила сделать всё сама. Глупо верила, будто бы мне это всё по силам, что ситуация будто бы под контролем. Какая дурость.

Саша отвлёкся на кривые пальцы за окном. Шахтёр заговорил отвлечённо, словно вспоминая древнюю историю:

— Во время войны мы все внимательно следили за сводками с фронта. Читали газеты, иногда слушали радио в кабаках. Сейчас уже воспоминания о войне смешались в одну серую грязь. Забавно, вроде бы так долго шла война, но стоило пройти паре годов, так теперь помнишь, что всё было плохо, что было страшно, но уже трудно вспомнить какие-то конкретные события. Но иногда в новостях проскакивали и хорошие вести. По-настоящему радостные истории. Иногда даже казалось, что журналисты их специально выдумывали, чтобы обмануть нас и подбодрить, настолько эти истории казались нереальными, сказочными. Будь то Александрово наступление или очередные скудные сводки о несгибаемых защитниках Кинхайта. Иногда до нашей глуши добирались новости не только с Западного фронта, но и с Южного. Например, о разгроме Копек Кампа, — Саша улыбнулся, увидев оживление в глазах молчаливого собеседника, — помнит ли ещё Альбатрос о Лагере Собак?

— Откуда? — тут же выпалила Мария, но голос её оборвался, ещё не знала она, что сказать.

— Помнишь молчаливого мужика, который сидел с нами в баре рядом с Антоном? Я с ним прежде был незнаком, познакомился только тогда, когда он прознал о нашем плане через Антона. Зовут его Виктор Алексеевич, он живёт в Павловке с рождения в доме своего деда, на юге Павловки, очень далеко от рудника. Его жена — Лена — тоже здешняя. Они познакомились ещё в детстве. Когда ему было 19 лет, а ей 18, они поженились. Через год у них родился сын, через два года после него — двойня, две девочки. Девочки родились летом 900 года. Прекрасное было лето. Тёплое и нежное. Очень солнечное. Даже странно, кому захотелось вдруг воевать после такого лета? Из Павловки не так много людей побывало там, на фронте. Виктор — один из немногих. Его призвали на Юг в начале 901 года. Почти год он там пробыл. Сколько бы историй он мог бы нам рассказать, да не сумеет уже — ему отрезали язык. Осенью того года он попал в плен.

— В Лагерь Собак, значит. Соболезную.

— А ты скромничаешь. Говоришь так, будто бы вовсе не ты разгромила ту жуткую тюрьму.

— Это не имеет значения. Мой подчинённый тогда попал туда. Если бы не это, я бы никогда даже не приблизилась к Копек Кампу.

— Что не помешало тебе тогда спасти всех заключённых. В том числе и Виктора. Ох, ты бы знала, какой громкой была эта новость, здесь все её обсуждали, да и думаю, не только здесь. Целый конвой голодных и замученных заключённых тайком пробирается по всей вражеской территории. Во главе их лишь небольшой диверсионный отряд, помощи ждать

неоткуда. И ведь вы их вытащили! Если б не знал я Виктора, может, сейчас я бы уже верил в то, что это просто выдумки наших журналистов. Но раз такое дело, что ты была там только ради спасения своего человека, почему ты спасла их всех?

— А что ещё с ними было делать?

— Именно! — вырвалось у Саши, будто он учёный, открывший новый закон материального мира. — Ты могла их оставить в лагере или освободить и бросить. Но ты до сих пор даже не знаешь, что надо было делать с ними. Даже сейчас у тебя и в мыслях нет другого варианта, кроме спасения. Личные цели привели тебя в лагерь, но потом ты смогла сделать правильный выбор, — Саша отдышался после долгой речи, успокоил голос, — Мария, я не знаю, что тобой движет сейчас, почему ты до сих пор здесь и почему делаешь то, что делаешь. Сделанного уже не воротишь, но я верю, что никогда не поздно поступить правильно.

Мария засмеялась. Тихо и нежно, без обычной для неё гнусавости. У Саши промелькнула мысль, что сейчас она впервые похожа больше на женщину, чем на солдата.

— Из тебя вышел бы хороший дознаватель, Саш. Ты умеешь из чужих ответов узнавать больше, чем в этих ответах видит сам отвечающий. И как я так прокололась? Ведь работа дознавателя — это как раз моя работа в том числе, — Мария виновато улыбнулась, — хорошо, я помогу вам. Быть может, действительно, ещё не поздно.

Саша откинулся в койке, положил голову на прохладную подушку и прикрыл глаза.

— Спасибо, Мария. Честно, спасибо.

Когда Мария добралась до дома, с минуту девушка не решалась войти. Была поздняя беспросветная ночь, но в доме ещё горел свет. Тёплое тусклое окно единственное на улице продиралось сквозь густую темноту. Мария вдохнула полной грудью и зашла за калитку. Ничего ведь страшного, ведь всё обошлось. По крайней мере для Аси.

Мария вошла в тёмные сени и закрыла за собой дверь. Только Мария начала разуваться, как на пороге показалась Ася с лампадкой, которую она придерживала обеими руками. В тусклом дрожащем свете её лицо осунулось, когда Ася увидела охотника, её брови нервно подпрыгнули, а когда она увидела гипс — глаза сделались мокрыми. Не теряя ни минуты, Мария улыбнулась на показ, подняла сломанную руку.

— Не переживайте, Ваш муж пострадал ещё меньше моего. Он сейчас в госпитале, там смотрят, чтобы не было заражения от пустяковой царапины. Он только ногу вывихнул.

Ася улыбнулась и живо задышала, по щеке скатилась несдержанная слеза. Девушка вытерла лицо.

— Слава богу.

Мария разулась и вошла с Асей в дом. Ася направилась к столу, где стояла остывшая еда, а Мария, вопреки Асиным ожиданиям, сразу пошла вверх.

— Вы не хотите поужинать? — спросила девушка, когда Мария уже прошла половину лестницы.

— Нет, спасибо. Я не голодна.

— Хорошо. Тогда спокойно ночи, — Ася потёрла локон волос, — спасибо, что уберегли Сашу.

Мария опустила взгляд на жену шахтёра. Девушка смотрела на охотника добрыми, почти детскими глазами. Её слова были искренни, и от этой искренности у Марии возникло мерзкое чувство в груди. Будто бы кто-то резко стянул её легкие и сердце в одну точку.

Охотник с усилием проткнула клыкком язык, горло насытилось кровью. Вдруг Мария услышала едва уловимый скрип, что дошёл до неё с первого этажа оттуда, где находилась кровать Валеры. Скрип вырвал Марию из объятий стянувшего её отвращения. Она ответила Аси, стараясь не открывать сильно рот, чтобы не плевать кровью.

— Угу, пожалуйста... Наверное.

Подойдя к кровати, Мария скинула с себя бригантину, акетон и одежду на пол и бросилась в постель. Девушка отвернулась, припала головой к холодной стене и укуталась плотно в одеяло, заглатывала кровь, что сочилась из языка, обтёсывая ранку об зубы.

Мороз сковал окна чудными узорами. Мороз проникал сквозь брёвна, овладевал стенами и через них морозил помещения несмотря на все усилия затухающей к утру печи. Мороз обнимал женщину, погружая её в пучину снов. В них она стоит одинокая посреди ледяного поля. Она зовёт кого-то знакомого, кто был ей некогда дорог, но снег пожирает все её крики. Снег проглатывает её мольбы к человеку. Этого человека нет в этом поле, не найти его силуэт даже у границ белого горизонта, сливающегося с небом, но женщина продолжает его звать, ведь крик помогает ей напрягать горло — крик помогает горлу не замёрзнуть. Только мольбы к человеку не дают ей замолчать навеки, не дают снегу пожрать и её саму.

Женщина стоит посреди поля, и по коже её стучат крупные капли дождя. Они стекают по её могучим плечам, по груди, по торсу, по ногам капли спускаются к чёрной земле. И кровью кричит небо на горизонте, и в кровавом свете женщина видит, что лежат у неё под ногами тела. По телам этим ветвились дранные раны, под кожей пурпуром расходились обломки костей. Трупы лежали в сырой земле, разрубленные, раздавленные, растерзанные и пожеванные, и все они смотрели на женщину, и с лиц их слезал цвет, а губы наливались белизной. Смотря в глаза мертвецов, женщина ужасалась. В их глазах увядала она сама. Лоскутами отходила красная кожа, с кусками кожи падали чёрные волосы, мышцы обмякли, словно пропитались кислотой, сползали с костей, кости истончались и исчезали, растворяясь в нескончаемом дожде. В глазах трупов умирал человек, и сколь не пыталась она протянуть себе руку, женщина не могла дотронуться до отражения. И она замолчала. Она не звала больше человека, потому что он также лежал у её ног. У её ног лежал труп диверсанта, капитана, патриота. Ей так много хотелось сказать капитану, столько чувств ей хотелось взвалить на его плечи, но она молчала. Все слова хоронила в себе. Но неизменно с её губ ненароком срывался один и тот же вопрос: «Ты погиб за свои идеалы, так и не узнав, чем всё закончилось. Так скажи мне, патриот, что бы ты делал, если б остался жив?».

Дрожащий женский голос резанул Марии ухо. Сначала ей показалось, будто это часть её сна, как тут же голова её треснула от боли. Мария выпрямилась в кровати. На улице был свет, но девушке казалось, будто бы она не засыпала вовсе. Её обыденный сон казался ей столь долгим до пробуждения, сколь коротким и мимолётным он казался после. Женский нервный голос с первого этажа, по всей видимости, был реальным, ведь не только Мария слышала его — с женщиной разговаривала Ася, она пыталась успокоить женщину. Мария натянула рубашку и брюки, стараясь не прикасаться к левой руке.

Когда Мария спустилась, она увидела, как у выхода в сени стояли Ася и незнакомая ей коренастая женщина в чёрном полушубке. Стоило только Марии начать спускаться, как их разговор стих. Стоило охотнику лишь показаться, как глаза женщины блеснули, спустились к полу. Женщина глубоко дышала, тёмные глаза бегали по полу, а руки легли недвижимо вдоль тела; полуоткрытые губы то и дело порывались сказать что-то. «Изумительное начало дня», — подумала Мария. Охотник села на нижнюю ступеньку.

— Я так понимаю, — начала Мария, — Вы жена Николая. Примите мои соболезнования. Мне очень жаль...

— Мне не нужны соболезнования, — как можно сдержаннее сказала вдова, подняв глаза на Марию. Чёрные глаза будто были застеклены, разглядывали со страхом охотника, — я хочу знать, почему ты не спасла моего мужа.

— Понимаете, я не могу следить за каждым работником рудника и не могу быть во всех его местах одновременно. Но в тот раз, как только мы узнали, что Саша и Николай не вернулись, за пять минут я спустилась на четыреста с лишним метров вглубь, но когда я пошла их искать, Николай уже...

— Я не хочу слышать ваших оправданий! — голос вдовы дрогнул, женщина, подняв глаза, поспешно сглотнула слёзы. Ася ненамеренно вжалась в стену. Голос женщины стал совсем беззвучным, слабым. — Почему Вы сразу не согласились нам помочь?

— Мне очень жаль, но вскоре всё будет сделано, обещаю, и тогда отряд изловит и прикончит чудовище.

— Это не вернёт мне...

Мария приподняла голову, её взгляд отпрыгнул в угол, и брови подскочили:

— Вы не хотите слушать ни соболезнований, ни оправданий, ни утешений. Что Вы хотите услышать от меня?

— Не знаю. Не знаю, чего я вообще хотела, приходя сюда, — женщина резко развернулась и стремительно вышла из дома.

— Вера, стойте! — крикнула вслед Ася. Девушка бросила взгляд на охотника. Мария облегчённо выдохнула, встала и зашагала на чердак. Брезгливость тронула Асино лицо, девушка набросила шубу, протолкнула ноги в валенки. — Подождите, Вера!

На чердаке Мария размяла шею, потянулась и упала на правую руку, остановив лицо в сантиметре от пола. Расстёгнутая рубашка облепила мокрую спину, неаккуратные пряди волос закрыли лицо. Мария набрала грудью воздух и начала отжиматься на правой руке. Когда охотник почти выпрямляла руку, она тут же её расслабляла и падала вниз, но стоило её лицу почти коснуться пола, как рука мгновенно каменела, и лицо её замирало вновь в сантиметре от пола, после чего рука быстро распрямлялась, словно пружина.

Через некоторое время Мария замедлилась. Она медленно опускала туловище к полу, напрягала до жжения каждую мышцу руки, а затем также медленно поднималась. Рубашка пропахла кислым потом, жар тела согревал охотника вдали от печной трубы. Рука, плечо и виски пульсировали, били быстро и коротко. Мария сделала около трёх сотен подходов. Когда она сделала четыреста, спину, плечи и таз сковало болью, будто ей вживили лишний позвоночник наперекосяк родному. Когда она сделала четыреста пятьдесят — пальцы окончательно потеряли чувствительность, а локтевой сустав стал неприятно хрустеть и отдавать в плечо. Уши охотника горели, словно калённое железо. Кровь стучала в голове, билась тяжело, намереваясь разорвать виски. Как только Мария сделала пятьсот отжиманий, она вскочила на ноги. Густая кровь схлынула из головы, девушку разбил озноб. В глазах зарябило и задвоилось, земля начала выскользать из-под ног. Мария резко сжала руку. Жгучая боль разнеслась по телу, протрезвила разум, и охотник устояла. Влажная грудь часто вздымалась, всасывая прохладный воздух.

Мария застегнулась, накинула шинель и выбежала из пустого дома на мороз. Пройдя через калитку, Мария свернула налево и пошла. Мария шла, куда ветер её задувал, следовала за своими ногами, щуря глаза от света. Кривые улицы утягивали её в центр города. Порой по дороге ей попадались люди, и Мария, словно никем не замечаемый призрак, обтекала их, обтекала, словно несущественное препятствие, также не замечая, что обходит людей. Охотник шла по грязным протоптанным улочкам, идя вдоль многочисленных следов, не поднимая головы — стоило дороге завернуть, как с ней заворачивала и охотник. Спустя час, может и два, блужданий, когда весь пот впитался в одежду и выветрился, когда ботинки обклеил плотный слой снега, ноги одеревенели от щиплющего холода, здоровая рука едва сгибалась от оледенения, а больная ныла тупой болью, отдающей в локоть, когда сердце уже слабо и устало билось, Мария остановилась и подняла голову.

Кривые старые дома, заборчики и дороги растворились в черноте упавшей ночи. В окнах горел свет, что едва затрагивал чёрную извилистую улочку, исчезающую вдалеке за углом, там, где дома, дорога и небо сливались в единую чёрную бесформенную массу. Воздух стоял. Штиль. Охотник медленно затягивала бесчувственными ноздрями сухой воздух. В ушах раздался тоненький высокий писк. И затем тишина. Тишина сдавила уши. Мария начала быстрее дышать, задрожала. Охотник осмотрелась, вгляделась в дома — незнакомы они ей. Сердце забило, как быстронесущийся поезд бьёт по рельсам. Охотник развернулась, посмотрела, откуда, как ей казалось, она пришла. Дома и перекрёстки, что она там видела, были ей не знакомы. Она впервые их видела. Мария устремилась назад. Вернуться, вернуться, пока ещё совсем не поздно.

Дойдя до первого перекрёстка, Мария осмотрелась. Вздохнула. Вдалеке она заметила старое здание с облезшей штукатуркой. Эта была улица Братская.

Войдя в бар, едва осязаемое тепло обхватило лицо Марии. Мария взяла себе жаренную курицу и стакан вишнёвого сидра. Лишь начав искать себе место, охотник обнаружила, что весь первый этаж был занят. Поднявшись на второй, она и его обнаружила занятым, но заметила, что стол у стены, за которым она уже здесь сидела, был свободен. Мария плюхнулась на диван, заснеженное пальто она бросила на спинку. В несколько минут Мария обглодала до костей четыре пересоленные сухие ножки и иссушила стакан.

Вокруг был гогот и живые обсуждения. Запахи жаренных сосисок и чесночных гренков щекотали нос. В стаканах плескался сидр и пенилось темновато-жёлтое пиво. Ухо Марии ухватывало человеческие голоса, следило за их тембрами, за тем, как один голос сменялся

другим, как голоса то замедлялись, то ускорялись, а затем смех, смех, смех. Мария положила голову на стол, укуталась в скрещенные руки. Она следила за голосами от грызущего её безделья, но не за словами. Ей безынтересно, о чём ведут разговоры эти люди. Среди их шуток, среди их речей не было ничего, что она считала бы близким, знакомым или волнующим её. Речи эти были ей безынтересны, но, когда вдруг кто начинал обсуждать рудник, она тут же переключала своё внимание на других. Поняв, что она всё же ухватывает отдельные слова и фразы независимо от её желания, Мария догадалась, что после долгой прогулки сидр не возымел на неё никакого эффекта. Тогда она спустилась за вторым стаканом.

И скованная в разукрашенных чёрных стенах, сидя одна на диване, Мария стакан за стаканом сидр брала, пока пойманные ею слова и фразы не слились в пространное и причудливое звукоподражание, то ли людьми издаваемое, то ли не ими — Марии было всё равно. Вопреки ожиданию, от лёгкого напитка не стало спокойно и легко, напротив, камнем голова легла на стол. Мария устало вздохнула и укуталась в собственные руки так, что теперь она видела лишь темень вне зависимости от того, открытыми ль держала она глаза или нет.

— Опять страдаешь напоказ, пока никто не смотрит? — проскользнула в голове ехидная мысль.

— Было бы по чему страдать, — Мария усмехнулась самой себе.

— И то верно, ведь ты пока не сделала ничего себе в ущерб, хотя и собираешься.

— Нет, не сейчас. Об этом не сейчас.

— Почему же не сейчас? Наоборот, самое время вспомнить, на кой чёрт ты делаешь всё, что ты делаешь. Самое время тебе вспомнить, что у тебя есть цель за пределами этого городишко. Только представь себе: два дома, в одном живёшь ты, другим ты владеешь и его сдаёшь. Никаких больше отношений, ни людей, ни страданий. Это будет жизнь вдалеке от забот и лишений.

— Но ведь это не повод размениваться другими людьми. Это только моя забота, я не имею права рисковать другими.

— А разве ж ты рискуешь? Ты взяла преступную работу, которую в одиночку никто кроме тебя бы не выполнил. Может ли другой охотник, который только воров разгонять умеет, убить чудовище? А ты можешь.

— Я знала о документах. Я могла прижучить секретаря. Я могла не дать Николаю подохнуть, как собаке, — Мария непроизвольно сглотнула, — если бы решила раньше...

— Ты права-права, действовать надо было раньше, а ты попусту потратила время. Ты всегда только и делаешь, что впустую тратишь время. На ничто.

— Я не могла решить, как мне поступить.

— Будто бы у тебя был выбор! Или ты хотела поступить, как герой? Макс хорошо тебя выучил, что это значит — быть героем. Даже его смерть так и не выбила из твоей головы этот образ, хоть ты и понимаешь, что он заблуждался, что все его идеалы были лишь выдумкой наивного мальчишки. Да, смерть его была славной. Он погиб, как подобает герою, только что толку от одной героической смерти — да хоть от тысяч — если война всё равно кончится ничем? Ну допустим, ты вызовешь отряд. Ты получишь похвалу в виде письма от начальства и уедешь, а все эти люди останутся здесь. Они продолжают жить в дедовских хибарах, есть дешёвую и пресную пищу, считать свои ничтожные платы и надеяться, молиться, что они не сдохнут под завалами прежде, чем их дети смогут сами работать в этих же шахтах, и так по кругу, и этому не будет конца. Герой не спасает людей. Он может отдать

всего себя без остатка, чтобы уберечь человека от физического уничтожения. И не более. Ты ничего не можешь сделать для них, ты никого не можешь спасти, и никто не может. Только ты в своей власти... — чёрная голова лежала на тёмном столе. Мария глядела в пустой стакан, и красный глаз надломился в гранённом сосуде. — Никого из них не было в твоей жизни до того, как ты приехала, и все они исчезнут, стоит тебе только уехать — действительно ли эти люди для тебя существуют?

Ночь опустилась на маленький городишко. Саша лежал на койке и готовился ко сну. Уже завтра его выпишут из больницы, чему он был рад и одновременно опечален, ведь подошёл к концу его своеобразный размеренный отдых. Шахтёр вытянулся в койке и закрыл глаза, но тут в дверь постучали. «Войдите!» — крикнул Саша сквозь зёв.

В палату вошла тёмная фигура. Без света было трудно разглядеть человека, но Саша узнал Марию по росту. Охотник сбросила сумки с плеча у входа и поставила ножны с мечом рядом с дверью, после чего взяла стул и села слегка в удалении от Сашиной койки. Саша приподнялся в койке и спичкой зажёл керосиновую лампу, стоявшую на прикроватном столике. Фитиль вспыхнул, и в тёплом тусклом свете сверкнули глаза охотника и металлические заклёпки тёмной бригантини.

— Привет, не думал, что ты зайдёшь так поздно, — Саша бросил взгляд на руку охотника: на ней не было гипса, — уже зажило?

— По крайней мере гипс больше не нужен.

— Везёт, — улыбнулся Саша.

— Сегодня утром я встречалась с Виктором.

Улыбка пропала с лица шахтёра, лицо его нахмурилось:

— Как всё прошло?

Мария заговорила медленно, чётко и размеренно:

— Он отвлёл Катерину, и я смогла выкрасть нужные документы. С ними я направилась к Варламу. Я показала документы ему, сказала, что его ждёт в случае обнаружении всей этой ситуации с махинациями и с чудовищем на шахте. По лицу было ясно, как в тот момент он хотел врезать мне, да вот смелости только не набрался. Пришлось ещё припугнуть его парочкой связей, которые смогли бы дать мне лучших адвокатов во всём Ирии.

— Ну, чем кончилось? — торопясь, спросил Саша.

— Отряда не будет.

У шахтёра на время спёрло дыхание. Саша опустил голову, нахмурился, на лбе проступили жилки, глаза забегали по одеялу, будто бы ища на нём ответ.

— Не понимаю. Ни черта не понимаю. Почему? Он так уверен, что сможет выкрутиться? — Саша поднял голову, по лицу шахтёра бегали желваки, а кулаки его непроизвольно сжимали одеяло. — Почему, Мария? Я не понимаю! Неужели он...

Большие чёрные глаза охотника смотрели в сторону шахтёра, не двигаясь. Глаза охотника казались шахтёру маленькими туннелями, уходящими глубоко-глубоко в темень, в которой едва виднелись два маслянистых танцующих огонька пламени. Шахтёру казалось, будто в этих туннелях он видел себя, но вскоре образ пропал — там ничего не было. Лицо Саши медленно разгладилось, брови поднялись, приоткрылся рот, и на дрожащих губах на несколько секунд повисло слово, лишь спустя эти секунды с губ оно сорвалось:

— Почему?

Мария закрыла глаза, встала и выпрямилась.

— Просто хотелось быть честной в благодарность за гостеприимство, — охотник направилось к выходу.

— В благодарность?...это!..да постой ты, это не ответ.

— Ничего личного, шахтёр. Просто никто из вас не сможет дать то, что мне по-

настоящему нужно, — Саша вновь сжал одеяло, он держался за него, чтобы не броситься на женщину, но два чёрных глаза вновь повернулись к нему, и шахтёр оцепенел и потонул в них. Два чёрных глаза, диких и шальных, замерли в одном положении, будто смотрели внутрь себя, — не беспокойся. Так или иначе, ночью чудовище умрёт. Прощай.

Чёрная женщина вытекла из комнаты, и дверь за ней закрылась беззвучно. Саша остался один. И вся ночная встреча казалась ему столь нереальной — будто он общался с тенью или с наваждением — всю ночь просидел он на кровати, не туша свет.

Затих стук, не стреляет более пневмомолот, не гремит более цепь, и колёса вагонеток замерли в безмолвии. Рабочие покинули свои места и единым потоком устремились наверх, на поверхность, чтобы вернуться к своим семьям. Лишь один человек остался ночью под землёй. Опустились ворота. Свет погас. Через вентиляцию перестал под землю нагоняться воздух, и вылезли насекомые. Мелкие букашки, что живут в правой части рудника, где растёт мох, а с родниковой водой в Озеро попадают питательные вещества. На берегу озера сидела охотник.

Бледное лицо её озарялось слабым дрожащим светом трёх керосиновых ламп. В одной руке её лежала бутылка с зажигательной смесью, горлышко было обтянуто тканью, в другой же руке её лежал иридиевый клинок. Рука с мечом медленно поднялась над головой, и затем обрушила меч на большой гладкий камень. Звон. Металлический рёв разнёсся по руднику. Меч завибрировал нетерпеливо, вибрации искусали руку тупыми зубами. Вскоре Мария вновь занесла клинок. Звон. Он повторялся снова и снова. Мария не боялась затупить клинок об камень, ведь клинок сей был особенным. Это не была богатая сабля для парадного портрета, не был это офицерский меч, которым лишь пугают солдат да раздают приказы. Это был иридиевый меч, неразрушимый меч, подлинное оружие, созданное лишь для боя, не требующее ухода, презрительное к нему. А подлинный меч всегда алчет крови.

Мария подняла голову, мрачная улыбка тенями отразилась на её лице, тусклые огоньки блеснули в глазах: «Явился, наконец». По одному из туннелей к Озеру кралось чудовище. Бледная туша аккуратно переставляла массивные лапища по неровному камню. Из-под губ вытянулись желтые толстые зубы, морда чудовища дёргалась в щеках и в скулах. Вдоль туловища тянулась уродливая рана, покрытая коричневой коркой. Мария встала, задрала подбородок и прислонила клинок к горлу, холодный голос разорвал тишину: «Ну же, подходи. Ты же этого хочешь?».

Чудовище сделало ещё два неловких тихих шага, но на третий шаг — заскрежетал металл, и клацнули тиски, монстр взвыл — пасть капкана впиалась в ногу до кости. «Умница», — улыбнулась Мария и зажгла фитиль. Замахнувшись получше, охотник бросила бутылку, и взвилось пламя. Чудовище заревело навзрыд и бросилось было на утёк, но тут же упало — зубы капкана царапнули кость, капкан был крепко привязан к огромному валуну рядом с Марией, охотник уже из-за всех сил держала верёвку. Монстр бился в конвульсии, катался по полу и ударялся тощими боками об стены, но всё без толку: жидкость плотно обтекла огромное туловище, прилипла к коже, огонь прилип к коже. Хриплый вой жалкого создания вырвался из тощей плотки, а Мария продолжала держать верёвку, и в её глазах было видно, как с морды и тела чудовища слезает кожа, как огонь слизывает её, оголяя уродливые мускулы. По всему Озеру разлетелась вонь жжёного мяса.

Вдруг чудовище резко развернулось и побежало на Марию. Лапы более не шли тихо, они били по земле, словно молоты. Монстр бросился на охотника, Мария отпрыгнула вбок,

схватила за меч обеими руками и, вложив в удар всю силу рук, плеч и спины, полоснула бок монстра. Пшикнула струя, чёрные волосы покрылись смердящей жидкостью. Монстра перекосило в воздухе, и он грохнулся на камни, скатился в озеро и потонул; зашипела вода, огонь угас. Озеро погрузилось в темноту.

Мария лёгкими короткими прыжками отошла от берега, выхватила нож с бедра. Она больше не улыбалась, всё её лицо теперь занимали большие красные глаза, они заострились, впились в толщу воды. Озеро окрасилось чёрным в том месте, где упало чудовище.

Вода вспенилась и взорвалась. Огромная туша с облезшими лоскутами кожи выпрыгнула на берег и бросилась к Марии, из бока продолжала хлестать кровь. Нож свистнул и вонзился в ключицу, но чудище не обратило внимание. Острая клешня взмыла к потолку, и тут же Мария бросилась в ноги чудовищу. В последний момент бестия успела затормозить, хлёткий удар рухнул сверху, и клешня разломала мягкий камень, но Мария уткнулась из-под удара. Лёгкий взмах, и кончик клинка рассёк плоть под коленом передней лапы. Чудище вновь рубануло клешнёй, но из-за раны оступилось, и Мария легко отпрыгнула в сторону от удара.

Чудище завопило, его голос, бывший словно бурлящее болото, вмиг взвился до тонкости скрипки, а затем стих, отчего у Марии потемнело в глазах, но в тот же миг охотник раскусила губу до крови, выхватила пистолет, глаза наострились — один меткий выстрел, и пуля разворотила половину шеи чудища; куски плоти повисли на тоненьких полосках эластичной кожи, и кровь забулькала в горле монстра. Мария ринулась в атаку.

Ещё несколько секунд продолжался бой. Чудище всё пыталось зарубить охотника клешнями, но раз за разом Мария легко уходила от удара, и кончик иридиевого меча оставлял на теле чудовища новые укусы. Кровь его текла из шеи, текла ручьями с боков, по рёбрам, ноги подкашивались и едва держали тяжёлую тушу, ведь и они были испещрены множеством порезов и кровоточащих ран. Со временем рудниковая бестия стала медлительна. Мария больше не уходила из-под ударов, она отпрыгивала, стоило удару лишь начаться. Стоило клешне лишь засвистеть, как уже с другой стороны свистел кончик клинка и высасывал кровь в новом месте.

Лапы подкосились, чудище чуть было не рухнуло на бок, упало на колени, опустив голову. Мария тут же ринулась, стиснула в руке меч. В глазах её сияла бледная шея. В этот момент чудище осознало, что не может тягаться с охотником. Ужас тронул обгоревшее кожистое лицо, от ужаса передёрнуло челюсть. В этот момент чудище поняло: если ничего не сделать, охотник пожрёт его. И то, что сделало чудище дальше, Мария никак не могла ожидать.

Заревев, чудище напрягло лапу, раскрыло клешню и рубанула по камню. Мягкий камень разбился на множество осколков, и они полетели в Марию. Мария резко затормозила, попыталась отпрыгнуть в сторону, но большой осколок саданул ей бровь. Глаз залило кровью, во втором глазе задвоилось. Мария едва разглядела, как чудище уже подскочило к ней с разинутой клешнёй. Клешня летела к голове, Мария изогнулась и подставила правую руку. Клешня схлопнулась. Лопнула кость, рука согнулась пополам чуть ниже кисти, словно лист бумаги. Зубцы изорвали одежду и кожу. Горячая кровь наполнила рукав, стекла по руке к подмышке.

Чудище раскрыло вторую клешню. Лапа метнулась к шее Марии. В мгновение ока левая рука метнулась к мечу, и тут же Мария закрылась от второй клешни лезвием. Мария упала под тяжестью монстра. Чудовище безумно затоптало ногами, пытаясь раздавить ноги Марии;

охотник поджала ноги и упёрла их в пах монстра, не давая тому налечь на неё телом. Спина больно врезалась в выпирающие камни. Чудище набросилось на Марию, пытаясь раздавить её своим весом. Жёлтая пасть разинулась, и монстр попытался разгрызть девушке лицо. Клацнули челюсти, Мария еле извернулась. Снова клацнули жёлтые зубы, Мария едва ушла, но зубы смогли содрать часть кожи с щеки.

Стоило челюстям клацнуть в третий раз, как Мария выпустила меч. Клешня монстра обрушилась на девушку, но охотник резко перекатился на правый бок, уйдя из-под удара. Перекат перетёк в удар; словно снаряд, большой кулак влетел в челюсть монстра. Захрустели кости: кость руки разъехались по месту перелома, нижняя челюсть бестии свело, и челюсть треснула надвое. От боли чудище подняло голову, но Мария не обращала внимания на боль. В тот же миг она выхватила с груди револьвер, раздался вопль. Каждая пуля прошивала голову бестии насквозь, словно та была из песка. Последняя пуля с ослепляющим грохотом вылетела из ствола и пролетела через голову, разорвала затылок в лохмотья, и изрешечённый жировой мешочек монстра выполз из головы и упал на землю. Обессиленное чудище качнулось вниз, в тот же миг Мария вновь схватила меч, и клинок нырнул в залитую кровью шею, разошлись шейные позвонки, и кончик лезвия вынырнул под сдвинувшимся затылком.

Бледное худое тело навалилось на женщину. Ослабшие подёргивающиеся ноги бесплодно силились поднять туловище. Чёрная мятая культия Марии выпала из разжавшейся клешни. Чудище пыталось сжать тело Марии, но клешня только обняла девушку, не слушалась больше; сквозь бригантину охотник ничего не почувствовала. Она держала над собой меч с нанизанным на него ослабшим существом. По шинели текли ручьи, ручьи брызжали от каждого осторожного хриплого вдоха существа. Но вот и брызги пропали.

Тело легло на женщину. Тяжело. Чёрная голова легла на камни, смоченные волосы упали с бело-холодного лица. Из губ вырвался клуб горячего воздуха. Больно. Тело пытается само себя, скручивается в спирали. Кожа горит, будто орошённая холодной маслянистой кислотой. Остекленелые чёрно-красные глаза упёрлись в посверкивающий ломанный потолок. Но на белом лбу выступил пот: сердце продолжало биться. Грудь всосала влажный воздух.

Охотник стиснула зубы и подняла голову. Запавшие глаза опустились. На груди лежал большой запачканный глобус. Серая кожа обтягивала голову существа так туго, что на макушке будто бы проступал кончик черепа. Кожа складками слезала в месте пулевых ран, из-под складок проступали дыры. Словно глубокие и печальные чёрные глаза, они просяще смотрели с груди. Тихое, недвижимое, будто у картины, лицо женщины дёрнулось — надломилась уголки рта, меж губ проскочил едкий смешок: «Хоть плачь», — голова вновь опустилась. Мария уснула.

Трясущийся экипаж подкатил к больнице. Из отворённой дверцы вылез секретарь Варлам, прикрывая глаза от слепящего солнца. Чуть сбоку от входа в здание, в сугробе лежала сдутая в затылке большая кожистая голова. Узнав у приёмной стойки, где находится Мария, секретарь прошёл к операционной. Ассистенты хирурга в предоперационном помещении поначалу не хотели впускать секретаря дальше во время операции, но затем из операционной донёсся крик Марии, чтобы Варлама пустили. Ассистенты хирурга помогли Варламу переодеться в стерильную одежду, после чего Варлам продезинфицировал руки и вошёл в операционную.

Просторную белую комнату заливал солнечный свет широких окон. Под ногами поблёскивал кафельный пол. Посреди комнаты стояла высокая светлая кровать, на которой лежала укутанная в простыню Мария, такая же светлая, как и кровать. На груди у неё лежала загипсованная левая рука, одни кончики пальцев торчали. У ног высилась тощая металлическая стойка, на которой висели четыре пакета с кровью, двое из которых уже были осушены. От третьего пакета отходила трубка, уходящая под простыню к ноге. Правая рука была отведена в сторону и уходила за ширму, за которой над рукой корпели хирург с ассистентом. Девушка наклонила вяло голову на бок. Перед Варламом предстало лицо, покрытое сетью шрамов. Сбитые в кучу глаза смотрели сквозь лицо секретаря.

— Поздравляю Вас с победой, — прошептал секретарь, отводя взгляд.

— А, это. Пустяк, — чёрная голова перекатилась по подушке, глаза уткнулись в белый потолок.

— Как тут успехи?

Мария усмехнулась:

— Господа хирурги не слушали меня, говорили, мол, нельзя обломки кости выкидывать, что рука так не срастётся.

— А разве это не правда?

— Правда, но не для всех, — на лице девушки появилась бессильная улыбка; язык её не слушал, скользил по полости рта и глотал звуки, — для меня неправда. Что от кости отпало — бесполезно. Всё равно вышло бы через кожу со временем. Только это больно. А тут с анестетиками... вот бы всегда были анестетики. Куплю когда-нибудь себе несколько.

— А рука что?

— А что с ней? Просто сломана. Сердце бьётся, значит, с рукой всё хорошо будет.

— Вон оно как, — Варлам почесал бородку.

— А ведь это, Варлам, первый мой такой опыт.

— Какой опыт?

— Никогда раньше не лечила дроблённый перелом в больнице. Это... умиротворяет...

— Рад за Вас. Эм, рад, что у Вас всё в порядке. Я тогда, пожалуй, кхм, пойду. Отправлю в агентство отчёт об успешном окончании работы. Нужна только Ваша подпись...

Чёрная голова вновь была наклонена. Из-под маслянисто-чёрных пышных бровей поблёскивали бритвенно острые глаза, острые настолько, что у секретаря кольнуло в уголке глаза, на который был направлен взгляд охотника.

Мария заговорила медленно, тихо, почти не глотая звуков. Когда она говорила, казалось, только её стойкий голос звучал во всей больнице:

— Я убила чудовище. Превратила в мясо. Моё лицо покрыли кровоточащие раны, левую руку я сломала, выбив чудищу челюсть. Из правой уже час достают обломки. Но они обе быстро заживут. Месяц, быть может. Я потеряла столько крови, сколько ты не увидишь за всю свою жизнь. И всё равно я буду жить. Главное, что сердце бьётся. Пока оно бьётся, любая рана заживёт... рано или поздно. Ты понимаешь, к чему я клоню? — Варлам слушал Марию и зеленца не сходила с его мягкого слабовольного лица. Секретарь с ужасом смотрел на охотника, не мог уложить в голове мысль, смутное ощущение, будто бы даже сейчас эта прикованная к кровати, обескровленная, истерзанная женщина всё ещё хранит в себе достаточно силы, чтобы пожрать его. В глубине души Варлам был рад. Рад, что не попытался обмануть Марию. Потому что, если б попробовал, струсил бы, переписал и всё равно б написал правильный отчёт.

— Понимаю, — сдавленно ответил секретарь.

Лицо Марии разгладилось, оно приняло прежний блаженный вид, глаза вновь смотрели в потолок:

— Я не смогу поставить подпись. Попроси медбрата расписаться с больничной печатью. Этого будет достаточно. Прощай.

Секретарь направился к выходу, но голос Марии остановил его в дверях:

— Когда ближайший поезд?

— Сегодня был, в пять вечера отходит, — какое-то время секретарь ещё стоял в дверях, ожидая ответа, но Мария молчала. Секретарь ушёл.

Близился вечер. Постепенно темнело. За приёмным столиком сидела молоденькая девушка и разбирала бумажки по папкам. Вскоре к столику подошла Мария. Она уже была одета, рукава шинели были надуты из-за просунутых в них загипсованных рук. Заметив пациентку, девушка перепугалась.

— Что Вы делаете? Вам ещё нельзя вставать!

— Мои вещи. Где?

— Давайте я провожу Вас обратно в палату. Может, Вам принести чего или врача позвать?

Под спадающими на лоб волнистыми волосами блеснул красный глаз:

— Не задавай вопросы. Отвечай на них. Где вещи?

Сконфуженная девушка отвела Марию в хранилище. Когда охотник начала продевать деревянные руки в лямки сумок, девушка помогла ей, затем она помогла шатающейся и усталой Марии добраться до выхода.

— Может, проводить Вас? — попыталась бодро спросить молодая девчонка.

— Оставь меня, — сухо отрезала охотник.

Мария, пошатываясь, дошла до двери, оттолкнула её и вышла на улицу.

— Хорошо Вам доехать, — крикнула на прощание девушка, после чего Мария резко захлопнула дверь ногой, дверь громыхнула так, что дало по ушам, и девушка вздрогнула.

К вечеру небо застлало чёрные облака. Собиралась метель. На перроне, сидя на лавке, дрожала Мария. Острые клыки быстро бились друг об друга. Рука выла и жгла, гудела, зудела, чесалась; кость будто бы намеревалась взорваться и разорвать в лоскуты руку изнутри. Рука словно наполнилась метаном и взбухла в тесном гипсе. Женщине казалось, будто она вот-вот и отпадёт, отторгнет свою хозяйку, отвалиться и упадёт в снег, лишь бы не быть с той, кто её истерзал.

Иступлённый взгляд бегал по большим колёсам паровоза. От боли будто б провалился живот. Мария глубоко и нервно дышала, качалась вперёд-назад, стараясь усидеть на месте, клыки впивались в губу. Вскоре перед ней возник мужчина, машинист, с которым она договорила ранее.

— Вам помочь с сумками?

Иступлённый взгляд подскочил к лицу машиниста, отчего тот вздрогнул, непроизвольно буркнул под нос: «Боже», — после чего Мария опустила испещрённое шрамами лицо к земле, сцепила зубы, чёрные брови надвинулись на глаза:

— Да...прошу...хочу скорее покинуть это забытое место...чтоб ноги моей здесь не было...

Паровоз взвизгнул и тронулся в путь, в маленьком окошке напротив побежали тёмные бревенчатые дома и заснеженные дороги. Даже в разгорячённой будке машиниста Мария не переставала дрожать, но вскоре жар проник в глубь тела, и боль стихла, и чёрная голова прильнула к стенке будки. В виски мерно отдавал нарастающий ритм, а за окном всё быстрее и быстрее бежали чёрные дома, живые и мёртвые, и белые истоптанные дороги, клубы дыма над скатными крышами, и люди, редкие люди превратились в маленькие подёргивающиеся пятнышки. Пятнышки, появляясь в окне, дрожали и дрожали, будто старались согреться, но затем они исчезали, растворялись за оконной рамкой, пятнышки исчезали также быстро, как и появлялись. Вскоре пятнышки исчезли и больше не появлялись. Павловка всё быстрее бежала в маленьком несуразном окошке, пока окошко не исказило городок, не сплело из него крохотное серое и мокрое пятно. Быть может, не в окошке было дело.

А затем охотник уснула. И ещё долго Мария не проснётся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net